

Рубежи свободы

Автор:

Владислав Савин

Рубежи свободы

Владислав Олегович Савин

Военная фантастика (АСТ) Морской волк #16

«Рубежи свободы» – продолжение цикла «Морской волк», истории с попаданием в 1942 год атомной подлодки «Воронеж». Мир изменился – и Победа пришла на целый год раньше, и позиции СССР в мире гораздо сильнее. И очень похоже, что в этом мире крах мировой системы колониализма наступит не в 1960 году, а раньше. Но борьба за свободу и независимость своего народа – всегда ли прогресс и путь к счастью?

Влад Савин

Рубежи свободы

© Влад Савин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Благодарю за помощь:

Читателей форума Самиздат под никами Библиотекарь, омикрон, Old_Каа, HeleneS и других – без советов которых, очень может быть, не было бы книги.

Товарища Н.Ш. – он знает за что.

И конечно же Бориса Александровича Царегородцева, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Также благодарю и посвящаю эту книгу своей жене Татьяне и дочери Наталье, которые не только терпимо относятся к моему занятию, но и приняли самое активное участие в создании образов Ани и Люции.

Из речи И.В. Сталина на XX съезде КПСС

(альт-ист)

Говоря о будущем, мы неизбежно обращаемся к прошлому. Вопрос о путях дальнейшего развития непрерывно связан с оценкой Октября. Но ни одна революция не проходит по заранее составленному плану, не дает в точности таких результатов, какие ожидали ее участники. И если с Октябрем связаны величайшие прогрессивные перемены в истории нашей страны, то нельзя избежать и вопроса о том, в какой мере нарушения социалистической законности, ущемление демократических прав граждан и другие негативные явления стали возможными в условиях нового общественного строя. Наше прошлое неоднозначно – в нем слились победы и неудачи, открытия и ошибки, светлое и трагическое, революционный энтузиазм и жертвы, великие надежды и разочарования. Весь опыт социализма представляет собой достояние человечества, его требуется глубоко изучать и осмысливать. Тогда не только победы, но и потери будут не напрасными.

Некоторые товарищи думают, что у Ленина была завершенная программа строительства социализма в нашей стране. На самом деле, напряженная работа и тяжелая болезнь не позволили Ленину написать научно обоснованную программу, он успел дать лишь первоначальные наброски кооперативного плана, связать идею культурной революции с кооперированием мелкого производителя и с изменением всех условий жизни. Как конкретно это осуществить, в каких организационных и социальных формах, Ленин проработать не успел, указав лишь подходы. И поиск этих форм и методов вылился в жестокую идейную и политическую борьбу, в обстановке внешней угрозы, остатков внутренней

контрреволюции и нехватке самого необходимого. Те, кто обвиняют нас в «отказе от ленинских норм», забывают, что сами эти нормы, применительно к данному этапу построения социализма, не существовали. Мы были вынуждены прибегать к административным, даже диктаторским мерам принуждения, по отношению не только к бывшим эксплуататорским классам, но и к народу в целом – как, например, мобилизация в РККА, вместо добровольной народной милиции, или жесткое планирование промышленности и сельского хозяйства, с суровыми карами за невыполнение. Иначе – мы бы погибли. Также оказались неоправданными надежды на «отмирание» государственного аппарата с заменой его на самоуправление отдельных коммун, добровольно договаривающихся между собой в масштабах страны. В этом, и многих других вопросах, мы не могли опираться на Маркса – который предполагал, что пролетарская революция победит одновременно во всех или большинстве самых передовых промышленных стран. Империализм, в отличие от Марксова, домонополистического капитализма, делает наиболее вероятной победу революции сначала в одной стране, не обязательно самой развитой промышленно. Что означает – наличие лагеря социализма во враждебном окружении, обстановка «осажденной крепости» при постоянной угрозе капиталистической агрессии и обострения борьбы с контрреволюцией внутри. Военные говорят, что уставы пишутся кровью. Так и мы – своей кровью, ошибками, перегибами, определяли еще никому не известные законы построения социализма.

И эти законы – не есть что-то навеки застывшее и завершенное, как Катехизис. Подобно тому, как военное искусство постоянно развивается, с изменением общества, его производительных сил, появления новых видов вооружения. Так и социализм – нельзя построить, сначала выписав проект во всех мельчайших деталях, а затем соорудать все в точном соответствии с бумагой. Приходится творить вживую, на живом общественном организме – и при этом совершать ошибки. Но помнить, что каждая наша ошибка – это лишняя кровь, труд, время и затраты.

Так дерзайте, стройте – но анализируйте, как и почему. Ищите лучшие пути, задавайте вопросы. Не бойтесь ошибок – но и не медлите с их исправлением. Социализм – это более прогрессивный строй, чем мир капитала, и значит, никто не может помешать победе социализма, кроме нас самих.

Молотовск (еще не Северодвинск).

5 марта 1953 г.

Место, откуда русские государевы люди впервые вышли в океан. Государевы – так как поморы ходили к Шпицбергену и Новой земле еще во времена Великого Новгорода. А здесь, на берегу Белого моря, в устье Северной Двины, стоял Николо-Корельский монастырь, упомянутый в летописях от 1419 года – и отсюда, при Иване Грозном, было снаряжено русское посольство в Англию (когда не было еще не только Петербурга, но и Архангельска). Это был первый русский морской порт (с причалами, складами и жильем на острове Ягры, где теперь судоремонтный завод «Звездочка»). С возникновением и развитием Архангельска монастырь постепенно приходил в упадок (хотя еще держался – в семнадцатом веке большинство зданий и стены были перестроены в камне, и именно отсюда с обозом в Москву отправился учиться поморский сын Михайло Ломоносов). Но на момент закрытия монастыря Советской властью, в нем оставались то ли шесть, то ли семь иноков. Деревянные постройки были снесены – хотя одна из воротных башен была аккуратно разобрана и перевезена в подмосковный музей в Коломенском. А каменные стояли брошенными, до 1936 года.

В этом году здесь был основан тогда еще не город, а рабочий поселок Судострой, получивший статус города и новое имя лишь через два года. Возникший подобно Петербургу, по «государеву указу», верфью среди болот. В уцелевших монастырских зданиях разместился один из цехов (деревообделочный), а на стапеле с русским размахом был заложен сразу линкор «Советская Белоруссия» (третий в серии «Советский Союз», по проекту один из сильнейших в мире среди своего класса), но с началом Отечественной войны работы были прекращены, до сорок третьего завод занимался исключительно судоремонтом.

Пока не пришла «моржиха».

Атомная подводная лодка «проект 949А». Которой в этом времени не должно быть – однако же она есть. Сейчас у стенки завода стоит – где еще осенью военного 1942 года оборудовали, насколько это было возможно, место для базирования, со всей обеспечивающей инфраструктурой.

Та самая «моржиха», уничтожившая на Севере весь немецкий Арктический флот. А в сорок четвертом совершила поход в Средиземное море и там приняла

участие во многих славных делах. Еще было то, что навеки осталось тайной – как уран из бельгийского Конго вместо проекта «Манхеттен» попал к Курчатову, и при каких обстоятельствах утонул линкор «Айова». Но о том здесь никогда не узнают – участники не напишут мемуаров, а в архивных делах, даже высшей степени секретности, о таких операциях не пишут подробно. А всего лишь «задание в интересах СССР, за которое такие-то лица были награждены». Тогда и получил Лазарев Михаил Петрович (полный тезка того, кто Антарктиду открыл) первую Звезду Героя.

В командирской каюте трое. Сам Адмирал, выглядевший моложе своих пятидесяти трех (если в личном деле вписан год рождения 1900-й), подтянутый, черноволосый (ни одного седого волоса). Хозяин каюты, командир «моржихи» (с сорок пятого года, как Адмирал ушел на ТОФ бить японцев), контр-адмирал Золотарев Иван Петрович (очень редко бывает, чтобы адмиралы всего лишь кораблями командовали – в советском ВМФ в войну лишь Москаленко в этом чине был командиром линкора «Октябрьская революция», да сам Лазарев звание получил в сорок третьем, оставаясь командиром атомарины). И третий – инженер-контр-адмирал, невысокий, лысоватый и полноватый, в круглых очках – Сирий Сергей Николаевич, в войну был на «моржихе» командиром БЧ-5, а теперь в связке с Курчатовым работает в советском Атоммаше, Сталинскую премию получил. На столе бутылка водки, сало, хлеб. Но пили мало, больше беседовали.

– Ну, Михаил Петрович, рассказывай, как там в Москве. Просвети провинциалов.

– Серега, не прибедряйся! В одном доме живем, на Ленинградке. Который здесь, наверное, не «генеральским», а «адмиральским» назовут.

– Так по месту прописки бываю лишь наездами, последний раз где-то полгода назад. А так, с севера не вылезаю. Ну, и Настю сдергивать не хочется, она тут привыкла.

– Кстати, как она?

– Да вчера, как в роддом на Пионерскую увезли, пока новостей нет! Выходит, даже такой старик, как я, еще на что-то годится.

– Ну какой ты старик, на пару лет меня старше. Сына как назовешь?

– Владимиром. Ну, а если дочка – Анной. А как твои?

– Владик уже в школе, первый класс закончит. Илюша малой еще. Ну, а Анну Петровну вы здесь уже видели – как она шороху навела на Севмаше. Она ведь у меня большой человек, всевидящее око партии. И если приехала – то будьте уверены, не со мной за компанию, а по приказу Пономаренко.

– Так что там наверху, на московском олимпе? Если не секрет.

– А тут микрофонов нету?

– Обижаешь, командир! Чтоб на моем корабле – и я не знал? Так все же, как Сам? Ты ведь к нему на доклад ездишь?

– Слушай, налей сначала, раз такой разговор. Расскажу.

Налили по стопке. Залпом выпили. Закусили.

– Не так часто я сейчас к Самому езжу, мужики, – сказал Адмирал, – кончилось время, когда мы для него были постоянным источником информации. Поскольку история стрелку уже перевела – и пошла текущая рутинная работа. Я так больше на Кузнецова замыкаюсь, делаю то, чему обучен – чтоб году к шестидесят второму у СССР был атомный флот.

– А будет ли тут Карибский кризис? – произнес Сирий. – История уже сильно в сторону пошла. Победа на год раньше, в сорок четвертом. У нас и потери меньше, и не пол-Европы наши, а две трети, вместо «встречи на Эльбе» вышло на Рейне. Одна ГДР без всяких ФРГ, и Народная Италия с товарищем Тольятти, и Австрия с Грецией наши, Испания – «дружественный нейтрал», и Турция нейтрал, хотя и враждебный. Просоветский Израиль, просоветский Курдистан, в Сирии и Ираке наши войска стоят. НАТО есть, под именем Атлантического союза, вот только входят в него Англия, Бельгия с Голландией, Дания и пол-Норвегии. И на Дальнем Востоке Корея наша вся, не было там войны, как и Хиросимы с Нагасаки – зато Китай пятидесятого, Сиань и Шанхай. И Мао, сдохший от лучевки. А кто там в Пекине сейчас сидит – Ван Мин, он ведь просоветский вроде? В Индии змеюшник, шесть сторон дерутся вместо двух, в Африке творится черт знает что. Вся карта мира сильно поменялась, в сравнении с нашей историей. Так что кончилось наше послезнание, сейчас туда выходим, где

нет уже маяков, зато и рифы, и мели, и минные поля...

– Летом и посмотрим, – ответил Адмирал. – Двадцать шестого июля, если не ошибаюсь, пойдет Фидель на штурм казарм Монкада? Будут ли в его команде ребята от Судоплатова, честно, не знаю – к высокой заграничной политике я сейчас лишь краем, иногда консультации даю, даже не Самому, а Пономаренко.

– Это верно, что Сам его в преемники метит? – спросил Золотарев.

– О том у Анюты надо спросить. Но похоже на то. Так как Сам знает, до чего страну его преемники из «стариков» довели. И похоже, поставил на молодых – Пономаренко, Мазуров, Косыгин. И даже примкнувший к ним Эрих Хоннекер, который в Москве времени проводит едва ли не больше, чем у себя дома. И поляк Берут в их компании тоже. Посвящены ли они в Тайну, не знаю – с этим строго. Сам условие поставил, что решает исключительно он лично. Равно как и полный перечень тех, кто посвящен – возможно, лишь у него в памяти.

– А Лаврентий Палыч? Он ведь тоже знает. И «самый эффективный менеджер», раз три министерства в войну тянул на себе.

– Он на своем месте хорош, – ответил Адмирал, – а Первым – дров наломает. Как в нашей истории, хотел национальные армии и максимум самостоятельности республикам – боюсь, что так СССР и до девяносто первого бы не дожил. И там он тоже против Сталина что-то крутил под конец, опасаясь, что и его в расход. Здесь же в норме – как Сам с ним беседовал, не знаю, но судить можно, достигли они полного консенсуса: товарищ Берия вечно Второй, незаменимый и в этом качестве неприкосновенный. И явно дружелюбен «молодым». Ну, а стариков вроде Кагановича, похоже, будут постепенно оттирать от управления – с почетом, и на пенсию. Если уж Хрущев живой пока, а ведь я уверен был, что его исполнят! А он десять лет уже в Ашхабаде сидит, на радость туркменам. Так что Сталин вовсе не людоед. Не терпит, когда его обманывают, не прощает, когда предадут, ну а кто из его доверия вышел, так навсегда. Но и бессмысленной жестокости за ним я тоже не замечаю.

– Так, может, оттого, что Сталин нашей истории и он же здесь, будущее узнавший и свое, и страны, это разные люди получились? – спросил Сирий. – Что бы про Виссарионыча в нашем времени ни говорили, но дураком его никто назвать не смел! Да и не мог бы дурак принять страну с сохой, оставить с

атомной бомбой. А значит, обязан был он свою линию скорректировать. Если, вот кажется мне, или я ошибаюсь, свободой повеяло, как у нас в перестройку, ядри ее мать – гайки ослабляют понемногу: можно о том говорить, за что вчера бы за тобой пришли бы?

– Не ошибаешься, – ответил Адмирал. – Вот только... Есть уже такое понимание, на самом верху, что излишне жесткая система нежизнеспособна, что у нас и случилось. Значит, надо послабление дать, чтоб был реальный контроль снизу, творчество масс, живая мысль, а не догмы. А вот как конкретно, это пока не ясно никому. И «как бы чего не вышло»: помнишь, что у нас было в шестидесятые, «оттепелью» назвали? Так что, боюсь, еще весело всем будет жить, если опять начнутся метания, или чистку объявят и вычистят не тех. И все это на фоне нарастающих проблем, внешних и внутренних – бандеровщину и всяких «лесных» задавили, так в нацреспубликах творится черт знает что.

– Так там, считай, советской власти и не было, – сказал Сирий. – Общался я тут с товарищем из Ташкента, русским. Он рассказывал, что в двадцатые на полном серьезе предлагали басмачам: «Ну что ты, курбаши-юзбаши, стреляешь из-за дувала, а к нам иди, вступай в партию, станешь секретарем райкома, большим человеком!» В самом деле так, или врет?

– Было, – кивнул Адмирал, – мне Смоленцев наш рассказывал, как они там в сорок девятом... Началось все с «стране нужен хлопок», ради чего гнали в узбекские поля и старого, и малого, и больного – умри, но собери. С феодальным зверством, как при эмире бухарском – плохо работающих били плетью: если в тюрьму, кто тогда работать будет, штраф взять нечем, ну а пороть прилюдно – лучший стимул не лениться. Причем наказывали даже не обязательно за невыполнение плана, а если ты хоть сто процентов сдал, но по выработке последним оказался, или среди трех, пяти, десяти последних.

– То же, что у нас, – кивнул Золотарев, – план по хлопку и приписки.

– И это тоже. План как товар: кто перевыполнит, мог часть своего хлопка переписать неудачливому соседу (конечно, не бесплатно). Потому начальство обращалось с колхозниками как с рабами. С силовой поддержкой не только местной милиции, но и банд собственных нукеров-надзирателей, обеспечивающих трудовую дисциплину (и вершащих самые грязные дела). И это сходило с рук в военное время – хлопок любой ценой.

– Может, в войну так и было надо, – произнес Сирий, – если у нас из хлопка порох и все сопутствующее. Когда, цинично говоря, надо было выбирать: или поднапрячься, или Победы не будет.

– Может, и так, – пожал плечами Адмирал. – На свет все выплыло уже после, когда домой стали возвращаться фронтовики, кто никак не хотел быть поротым рабом – тем более видя, что начальство про «труд на благо родины» кричит, а свою родню, своих деток, от каторги освободило, восток же! Ну, и если поначалу хлопковыми рабами были лишь колхозники, а русские, в подавляющем большинстве городские, ИТР и квалифицированные рабочие, этого не знали – то после и их коснулось, и через фронтовое братство, и через смешанные семьи (особенно военного времени – прежде, когда узбечки выходили за русских, то обычно уходили в город, а в войну стало, что и наши женщины из эвакуированных шли замуж за местных, и не только городских). А даже сталинский колхоз не идет ни в какое сравнение с тем средневековьем, что творили местные «баи» на хлопковых полях. И сила была у этих баев – если в городах, особенно таких, как Ташкент и Самарканд, в милиции и прокуратуре обязательно наличествовали и русские, то в деревне – исключительно местные кадры, да еще и нередко связанные с начальством родством.

– И пришлось нашему Юрке Смоленцеву поработать, как Гдлян с Ивановым в иное время, – усмехнулся Золотарев. – Читал в газетах про двести дорогих ковров в сарае секретаря райкома, или десятках закопанных кувшинов с ювелиркой. Там и в самом деле бои шли настоящие – говорят всякое, а вот о том не писали?

– Смоленцев рассказывал, случалось, – ответил Адмирал, – он же не один был, а за три сотни московских товарищей, кому поручили разобраться. При поддержке армейских частей ТуркВО и здоровых сил в местных органах, парт- и госаппарате. Ну а что вы хотите – когда до какого-то бывшего курбаши в секретарском кресле вдруг доходит, что он под вышак пойдет с конфискацией, то есть терять ему абсолютно нечего, а под рукой вооруженная сила? Хорошо, леса там нет, не попартизанишь. Но все равно потери были, и у спецгруппы, и у армейцев – если уж сам Смоленцев, который Гитлера брал, едва головы не лишился. Даже самая крутая подготовка не компенсирует незнания местных условий и обычаев. Когда пересечетесь, он сам вам подробности расскажет, если захочет, конечно. А то знаю я вас, вы своим благоверным расскажете, до Люции дойдет, она своему муженьку устроит!

– Мы не расскажем, – сказал Золотарев, – вот клятву даю. Интересно же!

– Нет, – ответил Адмирал. – Не обижайтесь, мужики, но Юрке я дал слово.

Выпили. Закусили. Перевели дух.

– Слушай, Петрович, а что это за история с «пузырями»? И секретность вокруг. Я уж, грешен, сначала подумал, что за бессмыслица – у нас тут под плановые лодки стапелей не хватает, а тут еще кто-то додумался «бегемотов» лепить. Дизельная лодка в двадцать тысяч тонн – это что за неповоротливый монстр? И вдруг узнаю (только не спрашивай, как), что твоя была идея?

– Моя, – кивнул Адмирал. – Только замысел был другой. Не боевые лодки. Хотя в случае войны могут танкерами поработать, в море заправляя целый дивизион «двадцать первых». Ты макет помнишь, которым в Петропавловске-Камчатском японцев пугали, то ли есть тут вторая «моржиха», то ли нет? А это должны быть макеты, максимально схожие с оригиналом – чтоб и в море выходить могли, и погружаться на виду у какого-нибудь иностранца.

– Дорого, – сказал Сирий. – Там была просто старая баржа и оболочка аэростата на каркасе, а тут несколько тысяч тонн железа на верфь подать и качественно собрать, чтоб не утопло, это во сколько обойдется казне?

– Так безопасность СССР дороже. Ты вот не думал, что мы стали сдерживающим фактором – как в семидесятые, ракетно-ядерный паритет? И что там, в Вашингтоне, наш фактор обязаны учитывать? Мы – или те, кто будто бы за нами, если у нас с будущим есть связь. Вот и задумано – а если еще несколько «моржих» появятся, что там скажут?

– Все равно дорого, – не согласился Сирий. – Петрович, это, конечно, интересно, но ты понимаешь, что из-за этих «бегемотов» наш флот четыре лишние атомарины не получит? Или три – если по трудоемкости считать. У нас же ресурс не беспредельный – и построечных мест под такие объекты пока лишь два. И заняты оба – из дока готовую лодку вывели, с площадки туда вторую перемещаем, и на ее месте уже готовятся третью собирать, секции к подаче готовы уже. Как второй док будет готов, то и его загрузим по полной программе. Где тут еще две такие туши строить?

– Кузнецов сказал то же, – сухо ответил Адмирал. – Решили пока отложить. С перспективой возможной переделки под реакторы. Если корпус будет как у настоящего «949». Дать флоту больше «щук» сейчас важнее.

– Пока не «щуки», – произнес Сирий, – уже не «киты», но до «щук» все ж не дотягивают. Скорее уж к «ершам» близки[1 - «Кит» – это проект «627», самые первые советские атомарины, в нашей истории вступали в строй в 1957-1963 гг. «Ерш» – это проект «671», года 1966-1973-й. Ну, а «щука» – это «671РТМ», с 1977 г. Считались примерно равноценными с АПЛ «Лос-Анджелес» ВМФ США. – Здесь и далее примечания автора.].

– Главное, что не «ревущие коровы», – сказал Адмирал. – Уж сколько бились со снижением шумности! И покрытие, и амортизаторы, и винты. И никакой бодяги с нержавеющейкой в парогенераторах – только титан! Если «киты» на списание пошли в конце восьмидесятых, то эти, я надеюсь, до конца века в строю доживут. Как у нас в две тыщи двенадцатом были последние «щуки» в Седьмой дивизии в Гаджиево.

– Ой, не сглазь, Петрович, – ответил Сирий, – как бы еще какие черти в эксплуатации не полезли. Прыгать через поколение в эволюции – всегда чревато.

– Видяев этим и занимается сейчас, – сказал Адмирал. – Первую лодку гоняет по полной. Завидую человеку – особенно если повезет ему через Ледовитый до Берингова пролива идти. Если в Китае еще года два-три не завершится. Ну, а мне лишь учебник по тактике для него успеть написать – адмиралы в море редко выходят.

– Ну, Петрович, ты не прибедняйся. Как жизнь повернется, еще неизвестно. Может, ты нас еще в бой поведешь, против американцев – как в сорок пятом против самураев.

– Слушай, нам еще Третьей мировой не хватало!

– А что? Нет, командир, я понимаю, что «миру – мир». Но по мне, «человека с ружьем» этим лозунгом воспитывать – импотенция выходит! В идеале же служивые должны быть так задрючены боевой подготовкой, чтоб мечтали «ну скорее бы врага прибить и домой!». Как на Дальнем Востоке в сорок пятом.

– Это верно, пиндосы никогда нам друзьями не станут. Петрович, а в прошлом году ты и в самом деле собирался на Шпицберген лететь с инспекцией? Когда весь СФ поднимали по тревоге – и реально готовы были американцев топить?

– Мужики, вот честно, не знаю! Мне сказано было лишь: «Товарищ Лазарев, мы имеем серьезные основания считать, что американские палубные истребители получили приказ сбить ваш самолет». И настоятельно рекомендовали отложить инспекцию, пока их эскадра из Норвежского моря не уберется. А какие штирлицы доложили, этого мне никто не сообщил. Но думаю, что «жандарм» Кириллов зря паниковать не стал бы!

– И что янки получили от нас тогда ультиматум: «Если наш самолет будет сбит неизвестной стороной, то и вас атакует неизвестная подлодка, возможно, что с шанхайским подарком», – это тоже было?

– Иван Петрович, ну ты сам подумай. Что мы американцам свое требование как-то передали, вопросов нет. Ну а какими конкретно словами, это кто ж будет оглашать? Главное, подействовало, раз они поспешили уйти.

– Привыкли всех нагибать, сволота заокеанская! «У вас нет демократии – тогда мы летим к вам». А вот те шиш – обломитесь!

– Петрович, больше не наливай, хватит уже!

– Командир, ну еще по одной, на посошок.

– За здоровье товарища Сталина! Эх!!!

– А все ж янки – большие сволочи! И сейчас, вот мы тут сидим, а они свои зловещие планы лелеют!

Президенту США —

доклад от аналитической группы

В настоящий момент гипотеза о наличии у СССР межвременной связи остается гипотезой при отсутствии прямых доказательств.

Абсолютно достоверен лишь факт появления в составе ВМФ СССР с лета 1942 года подводной лодки с уникальными боевыми качествами, далеко выходящими за технические возможности, доступные нам. В то же время точные пределы этих возможностей нам неизвестны. Однако само их наличие (движение под водой в течение долгого времени и со скоростью эсминца) однозначно указывает на атомную субмарину. Так как эксперименты с иными источниками энергии (трихлорид фтора, пентаборан) показали невозможность такого результата.

С учетом особенностей советской модели общества (предельная закрытость и возможность концентрации ресурсов на отдельных программах), теоретически допустимо, что открытие факта деления атомного ядра с выделением большого количества энергии было сделано советскими учеными в начале тридцатых годов (то есть задолго до Лизы Майер в декабре 1938 г.) и засекречено. Примерно тогда же началось строительство уникального подводного корабля по единичному проекту (возможно, с германским участием, как минимум в плане поставок механизмов – причем германская сторона могла и не знать об истинном назначении закупаемого Советами оборудования). И в 1942 году подводная лодка вступила в строй.

Высказывания о принадлежности этого корабля к серийным образцам (по причине доведенности конструкции и отсутствия у нее «детских болезней») представляются спорными, так как мы не имеем точных сведений о реальной надежности этой техники. Однако есть непроверенные сведения о происходящих на «моржихе» неоднократных авариях, в том числе и с человеческими жертвами, причем как минимум одна угрожала гибелью корабля. Вполне логичным выглядит замалчивание русских об этих фактах и представление ими своей сверхлодки как идеально работающей боевой машины.

Остальные известные нам факты можно считать лишь косвенными подтверждениями гипотезы. Опережающие знания по наличию на территории СССР полезных ископаемых, научно-техническая информация, удачные кадровые решения – могут быть объяснены тем, что Советский Союз, при всей закрытости, очень динамично развивающаяся страна (о чем можно судить хотя бы по темпам роста их ВВП). И все вышеперечисленное может иметь «местное» объяснение, пока неизвестное нам.

Информация о наличии так называемых «оборотней», равно как и «переселении душ», вполне может оказаться дезинформацией. Поскольку никакими достоверными уточняющими и подтверждающими данными мы не располагаем.

В то же время, если таковой контакт, а тем более постоянная межвременная связь имеет место, это является огромной угрозой для национальной безопасности США.

При предположении об истинности гипотезы крайне важно уточнить следующие обстоятельства:

- имел ли место разовый контакт, или наличествует постоянная связь СССР с иным временем?
- в случае постоянной связи, какие пропускные способности данного канала по массогабаритам? Какова периодичность его работы? Имеется ли привязка по территории?
- политический расклад на той стороне? Мир победившего СССР – или, напротив, проигравшего, и в таком случае отправка «моржихи» является отчаянной попыткой что-то изменить, воспользовавшись временным преимуществом (в отдельной технологии, в географическом месте расположения канала);
- планы той стороны касаются нас – торговля, завоевание? Соотношение сил в тандеме «СССР здесь – иновременцы», в какой степени Сталин свободен в принятии решений?
- наконец, конкретные факты будущей истории, имеющие большое значение – как, например, будет ли, и когда, Депрессия-2 или Третья мировая война.

Достоверный ответ на эти вопросы может быть получен лишь в непосредственной беседе с кем-то из «пришельцев» (в обстановке, исключающей ложь).

Баренцево море.

5 марта 1953 г.

Корабль пробивался сквозь шторм. Курсом норд-вест – от Мурманска на Шпицберген.

В иной реальности этот северный архипелаг влачил бесцветное (или благое, с точки зрения «зеленых») существование. Будучи по договору демилитаризованной территорией – и не имея никакого экономического значения. Единственное богатство, уголь, – было дорого и далеко вывозить (ну не в Англию же, где своего навалом). К тому же, начиная с пятидесятих годов, энергетика всего мира стала переходить на нефть и газ – а Норвегия, одна из «совладельцев» архипелага, обнаружила запасы нефти у себя под боком, в Северном море; что до СССР, то даже для снабжения северных районов дешевле обходился уголь из Воркуты. В итоге в начале двадцать первого века владение Шпицбергом было и для РФ и для Норвегии в значительной части делом национального престижа (которое оставить жалко), а также местом полярного туризма и научного интереса – так, советские поселки Грумант и Пирамида были законсервированы, и один лишь Баренцбург обозначал российское присутствие, на шахте даже велась добыча угля, который однако не вывозился, а шел исключительно на собственные нужды (весьма скромные). И даже землю (для теплиц, чтоб обеспечить овощами и зеленью население шахтерских поселков) туда завозили на судах с материка (своей не было – только скалы). Причем занимались этим исключительно советские, а не норвежцы[2 - Исторический факт.].

В мире, где Победа была в 1944 году, Иосиф Виссарионович Сталин произносил речь на XX съезде партии (случившемся не в 1956 году, а в 1953-м) и Советская Армия дошла не до Эльбы, а до Рейна, включив в зону советского влияния всю Германию, а также Австрию, Италию и северные районы Норвегии – Шпицберген был занят советским десантом в январе сорок четвертого и окончательно закреплен за СССР договором от пятидесятого, урегулировавшим так называемый Норвежский кризис, когда последние фашисты, возглавляемые беглым рейхсфюрером Гиммлером, пытались толкнуть норвежский народ на путь возрождения нацизма. С тех пор, если статус Нарвика и Буде еще вызывал иногда антисоветские сборища в Осло, статьи в западных газетах и даже упоминания с трибуны ООН, – то со Шпицбергом, который до 1920 года был ничейной территорией, сомнений не возникало. Как сказал Черчилль, «пытаться отобрать землю, на которую ступила лапа русского медведя, выйдет себе дороже».

Но еще до закрепления договором статуса Шпицбергена Советский Союз, не сомневаясь в своем праве на «русскую землю Груммант», начал здесь масштабное строительство, поскольку этот архипелаг в военном отношении мог считаться ключом к Северной Атлантике. Поселки превращались в полноценные города – подобно тому, как в те же годы (или даже раньше) строились Тикси, Певек, Дудинка вдоль трассы Севморпути. В скалах вырубались укрытия для подлодок, а также штольни для складов (уникальный климат Шпицбергена, где почти нет микроорганизмов, так что продовольствие можно хранить в стерильных условиях), помещения под штабы и узлы связи, способные выдержать даже атомный удар. Строители шутили: «У нас тут самое северное в мире метро», – объем работ был колоссальный, прокладывались и железные дороги, причем частично под землей. Вместо прежнего плохо оборудованного порта (по военной терминологии, «укрытой якорной стоянки») ударными темпами сооружалась полноценная военно-морская база, способная обеспечить боевую работу целого флота – с судоремонтными мощностями, береговой обороной, системой ПВО. Расширялись аэродромы (и строились новые), готовые принять любые самолеты, вплоть до тяжелых бомбардировщиков и транспортов. В иной реальности флот осваивал наше побережье (поинтересуйтесь историей таких мест, как Гаджиево и Видяево), ну а здесь, по итогам Победы, нашими были три северные норвежские провинции (Тромсе, Нурланн, Финнмарк), остров Медвежий и Шпицберген – территории, имеющие архиважное значение в случае войны с американским империализмом. Которая казалась весьма вероятной, особенно после того же пятидесятого года, когда до бросания атомных бомб дошло! Пока в Китае, где до сих пор сражаются «наши», красные китайцы с американской марионеткой Чан Кайши – но никто на флоте не сомневался в агрессивной сущности Вашингтона: и хотели бы бросить Бомбу на Москву, да только руки коротки!

Сейчас, в году 1953-м (альтернативной исторической реальности), население советского Шпицбергена насчитывает почти пятьдесят тысяч человек. В большинстве военные – но также и гражданские строители, шахтеры, рыбаки, научная полярная экспедиция. Причем часть, и немалую, составляют немцы – по договору, Советский Союз предоставлял Фольксмарине ГДР (до того фактически лишенному выхода в океан) право базирования здесь, в обмен на немецкое участие в строительстве. И стояли у причалов лодки «тип XXI-бис» под советскими флагами, рядом с такими же субмаринами под флагом дойче камрадов, и была на берегу «дружба-фройншафт», несмотря на то что очень многие советские офицеры и сверхсрочники прошли войну, и немцы тоже – но ведь после Победы, как всем было известно, ярых нацистов, как и запятнавших себя преступлениями, со службы выкинули, так что те, кто остался, заслуживали

доверия. Да и не так велик был счет у советского народа именно к подводникам Германии, ну а теперь, если что, вместе в бой пойдём против общего врага. Как капитан цур зее (по-нашему кап-1) Байрфилд, кто ещё в сорок пятом успел в нашей войне с японцами поучаствовать и орден от нас получил – а теперь командовал дивизионом лодок, что приходил в прошлом году. Камрады своих, на Шпицбергене базирующихся, периодически меняют – это нашим тут служить, пока Сталин и Генштаб по-иному не велят. Впрочем, не всем же загорать на солнечной Средиземке, в Таранто или Хайфе. Зато Краснознаменный Северный флот – среди всех четырех советских флотов самый боевой.

База подлодок (порт и быстро растущий поселок при нем, в сорок девятом получивший статус города) сначала называлась Порт-Грумант. Но неудобно было, чтоб не путать с Грумантом угольным – и откуда-то, сначала в разговорах, а затем и в бумагах, закрепилось «порт Лазарев», а затем и просто – Лазарев. Так как каждому первогодку на СФ было известно имя самого результативного подводника всех времен, командира легендарной североморской «моржихи», трижды Героя Советского Союза, адмирала Победы (не одним же армейцам маршалов Победы иметь), а теперь заместителя самого Кузнецова, главкома ВМФ и военно-морского министра. Главком, он и есть самый главный – ну а конкретно Лазарев, это высший авторитет для всех советских подводников, знак «белой акулы» (учеников его Школы) у командиров лодок не меньше ордена почитается, под его руководством новые «моржихи» строятся на Севмаше (но это большой секрет). Как это нельзя по имени еще живущих – а как же тогда Сталинград, Ворошиловград? Или считайте тогда официально, что в честь другого Лазарева, кто Антарктиду открыл (и тоже, значит, был полярником) – ну а мы-то сами знаем, в честь кого!

И корабль, что шел сейчас к Шпицбергену, вразрез волне, тоже был примечательным. И здесь первым советским (и первым в мире, так как американцы свой «Наутилус» еще не построили) атомным кораблем был ледокол, как и в иной истории носивший имя «Ленин» – так как отрабатывать инженерные решения атомной энергоустановки, лечить «детские болезни», намного легче, дешевле и безопаснее на надводном судне, а не на подлодке. Хотя и была та установка копией местного изготовления, той, что стояла на атомном подводном крейсере «проект 949» – что, кстати, позволило, зная массогабариты, формировать на стапеле корпус еще до того, как машины будут окончательно спроектированы, изготовлены и испытаны на берегу. Заложен был ледокол на Балтийском заводе (как и в той истории) в сорок восьмом, спущен в пятидесятом, поднял флаг в пятьдесят первом. Выдержали сроки, как у того «Ленина» (с августа 1956-го по сентябрь 1959-го). По мировым меркам, не так уж

быстро: у американцев линкоры «Айова» и «Нью-Джерси» строились по два с полтиной года, а один из авианосцев типа «Эссекс» поставил рекорд – четырнадцать месяцев от закладки до подъема флага. И в СССР, как в той версии истории, так и в этой, до 1953 года были построены крупные серии эсминцев и подлодок и больше десяти крейсеров. Такой рывок дал сборочно-сварочный метод: когда в цеху, едва ли не на конвейере, делают крупные детали-секции, из которых на стапеле собирают корпус, как из конструктора. А немцы еще в войну додумались так варить из блоков подлодки, как автомобили.

Кооперация с ГДР привела к тому, что второй и третий атомные корабли также не несли военный флаг. Германские верфи справлялись с работой столь успешно, что лодок проекта «XXI-бис» в ВМФ СССР было больше, чем «родных» 613-го проекта (а ведь камрады еще и Фольксмарине обеспечивали). Еще они достраивали для нас первую пару авианосцев, «Чкалов» и «Леваневский», выполнили капитальный ремонт (с модернизацией) «Диксона» (наш трофей, бывший «Шеер») и «Таллина» (а это «Лютцов», купленный нами еще в сороковом). Немцы традиционно отличались высоким качеством постройки, и сначала лишь выполняли советский заказ на некоторое электромеханическое оборудование – но когда в сорок девятом в Москву и Ленинград приезжала делегация германских промышленников и им был показан проект «Ленина», то товарищи капиталисты проявили к нему живой интерес. Однако строительство еще одного атомного ледокола пока не планировалось – тогда Базилевский (главный конструктор Балтийского завода) предложил такое (вместо «судна ледового плавания», по первоначальному замыслу должно было идти в дополнение к ледоколу), что все были удивлены, этого не только в СССР, в Европе не строили еще никогда!

В ВМС США в войну уже были десантные корабли-доки, тип «Эшленд» (назначение ясно из названия), полное водоизмещение в девять тысяч тонн, брали в док-камеру три танкодесантных катера или до четырнадцати пехотно-десантных. Построено их было свыше двадцати единиц – из этого числа пять единиц по ленд-лизу достались англичанам и три – СССР[3 - К сожалению, альт-история.]. Что позволило советским конструкторам создать новый класс судов – лихтеровоз (в иной истории появившийся в конце шестидесятых и оказавшийся в тени контейнерных судов). Поскольку, где большой грузооборот (а без него и изошряться не надо), там всегда есть и развитая сеть железных и автодорог, и даже если разгружать в порту вроде Антверпена, где дальше судоходная река течет по обжитому и промышленно развитому району – контейнеры вообще можно доставить прямо до двери получателя. Но в советской Арктике все порты вдоль Севморпути – Амдерма, Диксон, Тикси, Певек – стоят как раз в устьях рек,

и нет иных дорог рядом, и навигация коротка, так что задержка с разгрузкой критична, и получателем может быть какая-нибудь метеостанция или гарнизон на острове в архипелаге Новая Земля или Северная Земля, где нельзя принять большое судно, но наличествует хоть какой-то причал. Так что работать в режиме «прошел в одну сторону, сбросив груз у каждого пункта, затем вернулся, собрав лихтеры назад» – оказывалось быстро и эффективно!

В СССР в иной истории был построен «Севморпуть» в 1988 году. И должен быть заложен второй – но после проклятого девяносто первого года заказ был отменен, а первенец несколько лет работал на трассе Мурманск – Дудинка, затем его хотели вывести из эксплуатации, «за отсутствием работы»[4 - В связи с провозглашенной Путиным программой освоения Арктики, «Севморпуть» в 2013 г. поставлен на модернизацию, в 2016 г. введен в строй и работает, обеспечивая «северный завоз»]. Шестьдесят восемь тысяч тонн, при мощности почти в сорок тысяч лошадей – для СССР 1950 года это было слишком, в проект было заложено двадцать одна тысяча тонн при одном реакторе. «Ну что, геноссе, беретесь?»

Работать немцы умели! Корпуса собрали в рекордный срок – два судна, «Карл Маркс» и «Фридрих Энгельс», были готовы также к лету пятьдесят первого, реакторы наши, все остальное сделано в ГДР. Обошлись нам оба «вождя-основателя» каждый в цену как полтора крейсера «68-бис» («Ленин» – чуть больше двойной цены крейсера). Учитывая, что этих крейсеров для советского ВМФ за те же годы построили тринадцать, нельзя сказать, что атомная программа ввергла советскую казну в чрезмерные расходы. Не ледоколы – но корабли ледового плавания, с мощными машинами, ледовым поясом и ледокольным форштевнем. Самостоятельно могут идти через лед толщиной до одного метра, а с ледоколом – сквозь любой, хоть многолетний арктический. Перевозки народнохозяйственных грузов от Мурманска на Дальний Восток и обратно пока еще были эпизодическими – но шел регулярный и увеличивающийся грузопоток из Норильского промышленного района, по Енисею и западному сектору Севморпути. Большие средства вкладывались в развитие северных портов, в гидрографическое обеспечение. Работали научные экспедиции на побережье и островах. Строились военные объекты – радиолокационные станции, аэродромы. Велись геологоразведочные работы – информация об огромных нефтегазовых богатствах Тюмени, Ямала, арктического шельфа вызвала интерес в Москве на самом верху, и пусть пока добыча обойдется дорого и хватает для нужд СССР нефти Баку, Поволжья и Маньчжурии – но рост потребности в ней был уже заложен Госпланом в следующие пятилетки. И появление в Советской Арктике сверхмощного

ледокола, а также грузовых судов нового типа означало улучшение транспортного обеспечения в разы, если не на порядок.

А еще оказалось, что эта транспортная система очень подходит для снабжения таких мест, как Шпицберген (а также Северная Земля или Земля Франца-Иосифа), которые представляют собой архипелаги не такой уж малой протяженности, где получатели груза могут находиться в различных местах, далеких от порта (обычно единственного), где разгружаются большие транспорты, да еще и пролив или горы на пути. Лихтеровоз же мог сбросить груз у каждого острова, или же лихтеры из основного места разгрузки могли быть легко отбуксированы куда требуется. Так что «Карл Маркс», идущий сейчас к Шпицбергену, вез самое различное снабжение, прежде всего для военно-морской базы. А также тяжелую строительную и горнопроходческую технику с запчастями и расходниками. Железнодорожные рельсы с бетонными шпалами. Станки для судоремонтных и авиаремонтных мастерских (пока еще не заводов). Броневые ворота для укрытой в скале базы подлодок. Тысячу тонн муки и круп (а вот с этим на Шпицбергене была полная пауза). И землю, украинский чернозем в мешках, для новых теплиц.

В этой реальности СССР владел морями – по крайней мере, вблизи своих берегов. И уступать это право не собирался никому.

Иосиф Виссарионович Сталин.

5 марта 1953 г.

Есть у революции начало – нет у революции конца.

Страшно было узнать дату своей смерти? Для простого обывателя, да. А коммунист должен думать, что останется после него. И не «койка с солдатским одеялом», которая тоже казенное имущество, а – положение в стране.

И не так все страшно. Если там мы победили 9 мая 1945-го, а тут на год раньше – то ничего не предопределено. Ученые сходятся во мнении, что это не прошлое того мира, а параллельная ветвь, возникшая в результате попадания к нам товарища Лазарева с его кораблем. Ведь не было там кризиса пятидесятого, ни Сиани, ни Шанхая – а тут не было ни Корейской войны, ни двух инсультов у меня,

в сорок пятом и сорок девятом. Однако остается открытым вопрос: там меня действительно отравили? Или все же третий инсульт, при работе мозга на износ?

Кто предупрежден – тот вооружен. Перед пятым марта Власик бешеную деятельность развернул – там я его прогнал по дурости, да, зарвался он, так здесь внушения ему хватило, разговора по душам, чтобы он все осознал! Зато я уверен – пока он на посту, ни один враг ко мне не подберется, и уж точно я сутки без сознания валяться не буду до того, как меня найдут! Было, в баньку зашел попариться, засиделся чуть, и уже охрана несется, а вдруг мне плохо стало?

Нет, в Тайну его посвящать было излишне. Просто сообщить, что прошла информация, враги (и внутренние, и внешние) отчего-то считают, что в этот день или около него меня не станет. Возможно, и по естественной причине, проанализировали состояние моего здоровья, но этим те кто надо занимаются – «а ты, Николай Сидорович, на своем фронте бди!» Он и начал!

Охрана, конечно, и раньше была на уровне. К тому, что меня могут как Кеннеди, с полной серьезностью отнеслись еще с сорок второго, как от потомков информацию получили. Тем более что в этом времени тактика хорошо знакома – там ею впервые того президента исполнили, а здесь во Франции уже вовсю отстреливают правые левых, левые правых, как в романе «День Шакала» (хорошая книга, полезно будет перевести и издать, в измененной версии). Но ни возле моей резиденции, ни в любом другом месте моего пребывания никак не может снайпер сесть, даже если камикадзе. И нет никаких «врачей-вредителей» – уж над тем, какие лекарства мне дают, равно как и что на стол подается, контроль абсолютный. Хотя и тут – накануне пятого марта никаких новых блюд. И даже вероятность естественной моей смерти уменьшили, насколько возможно.

Есть у революции начало – нет у революции конца. При инсульте первый признак – это нарушение речи и координации движений. Когда еще можно успеть дальнейшее развитие перехватить медикаментозно. Делать гимнастические упражнения уже излишне в моем возрасте – а вот условную фразу произносить, раз в час, или только покажется, как самочувствие подводит, это реально. И врачи со всем необходимым рядом, в тридцатисекундной доступности – люди проверенные, не «вредители», их биографии, убеждения, связи, даже психологические портреты только что ренгеном не просветили. Так что есть

надежда, что даже если эластичность истории, влияние параллельных времен друг на друга имеет место – то не дадут мне умереть, откачают.

А так хочется прожить еще лет десяток – до восьмидесяти четырех, для кавказца не возраст. Не для себя, для страны прошу – Господи, если ты есть! А если нету – то тем более доживу. Теперь, когда знаю. То, что там не понял. Правило, что движущая сила истории – это противоречие между развитием производственных сил и производственных отношений, отнюдь не умерло при социализме! Социалистические производственные отношения вовсе не есть то прекрасное мгновение, которое остановись! Именно непонимание этого факта, более того, нежелание даже видеть проблему в конечном счете привело к краху СССР.

У нас здесь – с точки зрения производительных сил – все хорошо (вот интересно, отчего все «попаданцы» из их фантастики обращают внимание только и исключительно на это?). Повлияли и меньшие потери в войну, и знание перспектив (как основные технические направления, так и персоналии, кто над ними работал, кого следовало поддержать), и более грамотная политика по интеграции в единое целое экономик СССР и соцлагеря, и прямые технические заимствования, и большие трофеи (в том числе технологии), и у заклятых друзей удалось закупить, и по ленд-лизу получить чуть побольше. Нефтехимия (а то всю войну высокооктановый бензин с ленд-лиза шел), получение пластмасс и синтетических волокон (тросы, амортизаторы, ткань для парашютов, да и одежда и обувь). Металлургия – широкое внедрение кислородно-конвертерного метода, который в будущем очень сильно потеснит традиционный мартеновский. Электротехника – вроде охлаждаемых роторов и быстросрабатывающих реле. Электроника – полупроводники, в ближайшей перспективе и интегральные схемы на единой плате, – хотя и лампы новой схемы, как «стержневые», оказались очень к месту. Дизеля с турбонаддувом, и газовые турбины – последние, даже не только и не столько на транспорте. Если КПД обычной электростанции на мазуте тридцать – сорок процентов (котлы и паровые турбогенераторы), то у газотурбинной, с теплоутилизационным контуром – за шестьдесят, и это при том, что агрегат ГТД гораздо компактнее парового, на железнодорожную платформу влезает. А мы ведь не настолько богаты, чтобы тратить на устаревшие технологии! На железных дорогах идет активное вытеснение паровой тяги тепловозами вкупе с электрификацией пока что основных магистралей – интересно, а газотурбинные локомотивы здесь окажутся ко двору, или, как и там, не успеют, уступят мощным электровозам? А внедрение в практику контейнерных перевозок позволило резко увеличить грузооборот и сократить издержки – причем впереди всех оказались даже не

моряки и не железнодорожники, а речники. Ну, и военным понравилась сама идея контейнера, он же кунг, – вагончик самого разного назначения, легко транспортируемый и устанавливаемый на простейший фундамент, а то и просто на землю.

Еще из нового, отсутствующего в иной истории, – восстановление интереса к дирижаблям. Эти, казалось бы, безнадежно устаревшие летательные аппараты по предварительным расчетам будут очень полезны для доставки тяжелых грузов в труднодоступные районы (вертолеты уже летают, но их предел пока что пара тонн нагрузки, а взлетно-посадочную полосу для тяжелого транспортного самолета построить где-нибудь в Якутии – это адски затратное дело), а также как летающие радары ПВО. Особенно если наполнять их не водородом, а гелием. У военных (тех, кто был допущен к информации «Рассвета») тут же появилась мысль еще и о летающих батареях противосамолетных и противокорабельных ракет дальнего действия (когда таковые появятся) – летает над нашей территорией, чтоб вражескую ПВО не смущать, далеко видит и так же далеко стреляет. Пока построено десяток «блинов» (именно эту форму, чечевицу, а не сигару, сочли более подходящей для такой работы и службы), ожидается анализ и обобщение результата.

И суда на подводных крыльях. И на воздушной подушке, в чем мы пока что впереди планеты всей (в войну еще успешно использовались левковские катера). И фамилия Алексеев (главный конструктор водолетающих судов) тоже в особом списке. «Кометы» уже в серии с прошлого года, ходят и по Волге, и на Черном море. Есть и КВП «Ирбис», сначала делавшийся для морской пехоты, но оказавшийся очень полезным и на северах, для доставки грузов по бездорожью.

Компьютеры. МЭСМ был все же больше экспериментальной машиной. Первой серийной была «Стрела». Причем наряду с лампами уже использовались транзисторы. Товарищам Лебедеву, Рамееву, Бруку были созданы все условия – что ж, товарищи оправдали возложенные надежды и затраченный ресурс, надо будет наградить! А еще Овселян, который станет главным конструктором ЭВМ очень удачной серии «Наири» (первой целиком на полупроводниках). Сейчас этот товарищ, совсем еще молодой (1933 года рождения), попавший в СССР после долгих мытарств (в Ливане родился, а Ближний Восток этой истории, где по нему потопталась сначала немецкая армия вторжения под командой камрада Роммеля, затем турки, англичане, а под конец победоносная Советская Армия, очень не похож на тыловое захолустье, каким был там), учится на физфаке Ереванского университета – задумывается ли он, чья рука заботливо убирает все

препоны с его жизненного пути? Ты только учись, товарищ Овселян Грачья Есаевич, твори! А мы уж позаботимся, чтоб не пришлось тебе под конец жизни эмигрировать и прозябать за границей, поставив крест на науке. И всем разработчикам вычислительной техники поставлена твердая задача – обеспечить совместимость между собой, соответствовать единому стандарту. Идем, пока что опережая Запад – интересно, станет ли здесь русский языком программирования?

Ну и конечно, ракеты и атом. Наибольшие результаты были достигнуты именно там, где трудились три главных управления, замыкавшие непосредственно на Государственный комитет обороны (в войну) и на ЦК партии (когда ГКО упразднили). Атомное, ракетно-реактивное, электроника. Не было в этой истории «Фау-2», падающих на Лондон, а оттого эффективность ракетного оружия осталась сугубо теоретической. В итоге пока что СССР – это единственная страна, имеющая на вооружении баллистические ракеты с ядерными боеголовками (уже в войсках – пока что шесть бригад двухдивизионного состава, в каждой по восемь мобильных пусковых и сложное обеспечивающее хозяйство, включая полк ПВО и батальон противодиверсионной обороны). Ракеты, конструктивно близкие к Р-5 иной истории (там принята на вооружение пятью годами позже), с пока еще моноблочной боеголовкой и дальностью 1200 км (потому и приходится выдвигать их на территорию ГДР). Залегендированные под ПВО дальней зоны (а как еще спрятать от чужих глаз столь крупногабаритные объекты, двадцать метров в длину?) – немецкие товарищи тоже постарались, обеспечив строительство района базирования с подъездными путями и железобетонными бункерами, похожими на те, в которых в войну субмарины стояли. Из-за малой дальности пришлось делать ракеты мобильными, а из-за массогабаритов – железнодорожными, есть и колесный вариант, но только для автострады, не для грунтовых дорог. Считается, что в угрожаемый период ракетные поезда выдвинутся из депо в заранее подготовленные районы старта и возьмут на прицел объекты в Англии, Франции и Дании – прежде всего порты, военно-морские базы и авиабазы ВВС США. А на территории СССР проходят формирование и курс боевой подготовки еще четыре бригады. У англо-американцев, сделавших ставку на бомбардировщики, пока что ничего подобного нет!

Зенитные ракеты. Система «Беркут», она же С-25, вошла в строй в прошлом, 1952 году. При ее создании использовался и трофейный немецкий задел («вассерфаль» и тому подобное), а также кооперация с ГДР. Не только в изготовлении некоторых узлов (все ж точная механика у немцев пока лучше нашей), но и в конструкторской работе, у нас товарищи Берия-младший,

Куксенко, Расплетин, от ГДР Меллер и Хох с фирмы «Аскания». И стоят уже первые в мире ЗРК на защите Москвы, Ленинграда и Берлина, и полным ходом идут работы по мобильному варианту, который в иное время станет знаменитой С-75 – задача поставлена уже осенью предъявить на государственные испытания, и сразу в массовое производство и на вооружение. Причем параллельно с сухопутной версией разрабатывается и морская (товарищ Лазарев настоял).

Водородную бомбу СССР испытал в пятьдесят первом. Американцы – пока только собираются. Полным ходом идут работы по атомному флоту – за тремя атомными «вождями», уже в пятьдесят втором сошли со стапелей первые две атомарины, и дальше будет так – по две в год, а в дальнейшем и по четыре. В Молотовске работает реактор на берегу – по сути, первая атомная электростанция, дает ток на народнохозяйственные объекты. Там, в мире «Рассвета», США до семидесятых имели над нами превосходство. Здесь – по числу атомных зарядов у нас уже равенство, а по суммарной мощности перевес у нас. Но ничего не сделать с географией – нам до американской территории достать куда сложнее, чем им до нашей. А Европу мы могли на гусеницы танков намотать и в той реальности, начни капитализм Третью мировую! Впрочем, здесь тем более, наш исходный рубеж за Рейном, по границе с Францией. И Испания пока что не в НАТО (хотя давят на короля и каудильо заокеанские эмиссары, и пряником-кредитами совращают, и едва ли не оккупацией за неуступчивость грозят). И Турция тоже нейтрал (хотя, безусловно, враждебный) – но отлично понимает, что появление на ее территории чужих войск и военных баз СССР однозначно воспримет как «казус белли».

Авиация – тоже пока все хорошо. В развитии и потенциале. На реактивные истребители перевооружены уже все строевые полки, поршневые Як-9, Ла-11 и Та-152 лишь в учебках, ДОСААФ и на северном рубеже остались, все же привередливы реактивные к качеству аэродромов. Причем МиГ-15 уже меняются на МиГ-17П, и готовится к принятию на вооружение МиГ-19 (а вот с ним намучились – целая серия катастроф при доводке, как следствие ускоренного прогресса). И так же, как там, «миги» идут в ВВС, а истребители Сухого – в ПВО, хотя и там «мигарей» хватает. Фронтовая бомбардировочная авиация вся перешла на Ил-28 (хотя «фронтовая» – это вопрос: в Европе «илы» все задачи «стратегов» решают успешно). Но остались многочисленные штурмовые полки (расходное «пушмясо» будущей войны, но под прикрытием реактивных вполне еще могут работать), хотя в авиации уже появилось выражение «военный летчик четвертого класса», которым пилоты реактивных между собой называют штурмовиков. Есть уже и дальние реактивные – Ту-16 выпускается с пятьдесят

второго, причем в этот раз моряки перетянули одеяло на себя, большая часть идет в авиацию ВМФ, окончательно вытесняя оттуда вконец устаревшие и небоеспособные «дорные» (которые еще оставались там наряду с Ил-28Т). К концу этого года ожидается, что и Ту-95 наконец завершит испытания. И для них уже готово оружие – противокорабельные крылатые ракеты, хотя систему наведения все еще доводят.

С гражданской авиацией хуже. На внутрисоюзных линиях с пассажиропотоком вполне справляются Ил-14 (удачный был самолет там, сделали и тут), а также оставшиеся многочисленные пока еще Ли-2, а в Сибири и на Дальнем Востоке и «Юнкерс-52» встретить можно (неубиваемый, прочный самолет, выдерживающий самое грубое обращение и посадки). Для местных перевозок отлично летает Ан-2, ну а в ДОСААФ и у многих мелких авиапредприятий и По-2, особенно с кабиной-«лимузином». А из больших, четырехмоторных – пока самыми распространенными в «Аэрофлоте» остаются «Юнкерс-290», итальянские «брета» и даже оставшиеся с войны «йорки». Хотя летает уже Ил-18 (сразу проектируемый под турбовинтовые), вот-вот должен в серию. И Ту-104 почти уже готов, временной мерой. А на чертежах рождается нечто, не имеющее аналогов в той истории – совместный проект (СССР, ГДР, Италия) и такое же будущее производство, предтеча «евролайнера», отдаленно похожий на «Боинг-707» – но с широким фюзеляжем, причем предполагается, что четыре движка на пилонах будут двухконтурные, экономичные. Это при том, что у англичан лишь в прошлом году «Комета» полетела (пока еще не разбилось ни одной, но мы-то знаем). А в США все еще летают поршневые «констеллейшны» и ДС-6.

И вертолеты – как же без них? Ми-4 делают большой серией, причем лицензию передали и ГДР, и в Италию. Используют и как местный транспорт где-то в Сибири, и «рабочей лошадкой» в войсках. Хотя есть мнение, что нужна (для переднего края) и машина поменьше, вроде американского «ирокеза», отличившегося в том Вьетнаме.

Продовольственную проблему успешно решаем, пришлось хорошо вложиться в пищевую промышленность, холодильную технику, да и в простое хранение продуктов – и тоже новые технологии, как, например, сразу упаковывать зерно в полиэтиленовые рукава, срок хранения резко возрастает, особенно если еще и инертным газом заполнять. Новые кормовые агрокультуры, хлорелла и люпин, да и та же кукуруза, если использовать ее как зеленую массу, не дожидаясь вызревания початков. Морепродукты – причем с широким внедрением комплексной переработки прямо на борту судна, не дожидаясь прихода в порт.

С введением особых экономических зон – в Охотском море, например, так пришлось японских браконьеров гонять, пока те не уразумели, что это наши воды и ловить здесь имеем право только мы! На основании какого закона, если международное морское право знает лишь 12-мильную прибрежную зону? А вот мы так постановили – и любое судно-нарушитель в нашей зоне будет арестовано и конфисковано! Японцы скрипели зубами – но ввиду нашего очевидного военно-морского преимущества (собственный ВМФ Японии после проигранной войны ограничивался немногими патрульными кораблями, ну а американцы в эти дела предпочитали не влезать), вынуждены были принять наши правила. Хотя и нашим рыбакам возле японского побережья (за исключением Хоккайдо, где ТОФ мог прикрыть) было лучше не появляться, и тем более в японские порты не заходить. Но не будет тут никаких «дрифтерных войн», как там, в пятидесятые[5 - К сожалению, реальность нашей истории. Когда японцы хищническим выловом нанесли не восполнимый до сих пор ущерб рыбным запасам нашего Дальнего Востока. После того как США в одностороннем порядке ввели 200-мильную зону у своих берегов, категорически не пуская туда чужих рыбаков – а Хрущев не сообразил ввести то же у нас. И японцы, не входя в наши 12-мильные воды, целой флотилией занимали место напротив устьев камчатских рек, куда рыба шла на нерест.]!

Уровень жизни населения растет. Как обещал – жить становилось лучше, легче и веселее. В магазинах появляются товары лучшего качества и новой номенклатуры, цены ежегодно снижаются, а зарплата, напротив, растет. Транзисторные радиоприемники у нас в продаже здесь появились даже раньше, чем в США, по кино- и фототехнике мы даже в той истории оставались на мировом уровне до «цифровой» эры[6 - Соответствует истине! Советские фотоаппараты считались в мире нисколько не худшими, чем какой-нибудь «Никон»!]. Даже Дом моды нашей прекрасной Люции, «королевы итальянской», это архиважное государственное дело по части устойчивости советского строя – если наши женщины будут уверены, что они самые обаятельные и привлекательные в мире (и будут соответственно воздействовать на своих мужей).

Но – производственные отношения! Социалистическая модель, при всех их достоинствах, неповоротлива, негибка, излишне зарегулирована. Показательный пример прислал Пономаренко. Некий советский гражданин (ФИО есть, но это не принципиально) решил построить загородный дом-дачу (разрешено законом от сорок седьмого года). И, как положено законопослушному гражданину, собрался закупить стройматериалы (бревна, доски) законным путем. Поехал в районный центр в райпотребсоюз (в рабочий день, отпросившись), отстоял очередь, чтоб

лишь узнать, что документ (заявку) на лесоматериалы заполняем здесь, ну а деньги принимает сельхозмагазин от райпотребсоюза. Нашел этот магазин, на другом конце города, за полчаса до закрытия, повезло, что успел заплатить и получить чек. Узнал, что сами бревна надо получить в лесничестве. Добыв полуторку, на следующий день поехал туда, выяснил, что бревна лежат на дальней делянке и отпустить их должен лесник Сидоров, который где-то в лесу на обходе. Ездил по лесным дорогам полдня, но лесника так и не нашел. На следующий день все же нашел, проехал на делянку и увидел гору полугнилых хлыстов – «забирайте, сами грузите, других нету».

А сосед этого гражданина смеялся из-за забора. Так как договорился с некими левыми личностями – «Бревна? В воскресенье, в удобное для вас время, сами вам на место подвезем и разгрузим, сколько пожелаете и лучшего качества. По червонцу за бревно и поллитра сверху». И этому соседу было абсолютно плевать, где эти личности уворовали лес – «Я же сам не краду, а плачу честно заработанное». Вот он, капитализм в сравнении с социализмом! И что с этим делать – загородные дома запретить?

Так не поможет. Вылезет что-то другое. От Пономаренко же доклад о положении в сфере обслуживания. Если в кафе-ресторанах еще можно как-то контролировать, хотя бы по расходу продуктов – то, например, в парикмахерских творится черт знает что: «Я работаю на государство или лично на себя!» Одного клиента стригут в кассу, троих в свой карман. А выплыло это после того, как одна разгневанная мать написала жалобу, что не могла постричь сына-школьника, так как ей сказали: «У нас до семи постоянная клиентура – а с таких, как вы, нам никакого навару». И что – к каждому мастеру в каждой парикмахерской человека от ОБХСС приставлять? Тут даже кассовые аппараты (которые пока что редкость) не помогут, и контрольные закупки (вернее, пострижки), поскольку «в карман» обслуживают исключительно знакомых или по их рекомендации. И что, устроить показательную расправу над первым попавшимся, авось остальные испугаются и притихнут на какое-то время – как там у классика, «свирепость российских законов компенсируется необязательностью (вернее, избирательностью) их исполнения»? Так тот опыт показывает, что и закручивание гаек не выход – народ против власти обозлится и поддержит любого никитку, кто пообещает «правовое государство», чтоб «никогда больше».

Причем необязательно даже капиталистом быть, чтоб воровать! Еще случай, из материалов «инквизиции». На одном из оборонных заводов делали некие

детали, штамповкой из дефицитного алюминиевого листа, один лист – две штуки (больше не уместалось). И вот, нашелся умелец, станочник высшего класса, который сумел, на предельных допусках, рассчитав геометрию и изготовив оснастку, вырубать не две, а три – а сэкономленные листы сбывать в артель, которая располагалась тут же, в соседнем цеху (даже за проходную вывозить было не надо). Ну а деньги, конечно, в карман! И как такое квалифицировать?

Так какими должны быть производственные отношения при социализме? Тотальное планирование – уже пытались, провал, даже компьютеры из будущего не могли бы сосчитать потребность и производство с точностью до каждой гайки. «Государство-корпорацию», как там некий М. Калашников предлагал? Хозрасчет Косыгина? «Польскую» модель, как там было, с частными магазинчиками и кафе? Причем то, что будет оправдано сегодня – вполне может устареть лет через десять, даже пять! Как отслеживать, решать, менять, проводить в жизнь? И кто этим будет заниматься – а не заботиться лишь собственным успокоением?

Как он сам там. Оппозицию придавил, все было спокойно, как в гробу. А дальше – падение, как по баллистической траектории. Доклад Хрущева на Двадцатом съезде не был случайностью – можно сгноить Никитку на Колыме, но ведь приняли же это партийные массы и народ, почему? Да по той же причине, что вся партия не стала продолжать «дело Сталина», даже на словах, не делать из него икону, как из Ильича. По той же причине, по которой меня там отравили, что следует из заключения вскрытия моего тела, опубликованного почти через полвека. Подчиненные (самые близкие, самые верные) устали жить под топором – и желали моей смерти, просто из собственного самосохранения. Можно разоблачить десять подобных заговоров и казнить виновных – но одиннадцатый завершится успехом. Что там в итоге и случилось – какая разница, было ли истинным «дело врачей»? Даже Лаврентий – на котором все же не было прямой вины (иначе бы всего через три месяца на него повесили бы не «английского шпиона», а мою смерть) – но вот то, что он там принял мой конец с радостью и облегчением, это бесспорно.

И вылезли «мэйбани». В русском языке аналога этому китайскому слову нет – западники, которые были против славянофилов, это очень отдаленное приближение. Более подходит слово «компрадоры» – те, кто живут продажей богатств Отечества за рубеж или обслуживают сей процесс. А попросту – «пятая колонна». Как сказал не сам Франклин Рузвельт, но кто-то из его команды, «если

мистер Смит, живущий в Канаде, даже считающий себя патриотом Британской империи, покупает исключительно американские товары и в своем бизнесе завязан на американских контрагентов, чьи интересы он подлинно будет защищать как свои?» Может, когда-то китайцы изобрели порох и бумагу, но вот в начале двадцатого века в Китае не было другой столь же влиятельной, богатой и образованной прослойки, кроме мэйбаней. Именно они стали у руля буржуазной китайской революции – и ведь это вполне могло быть и у нас, если бы не большевики. Впрочем, и высший класс Российской империи, говоривший по-французски лучше, чем по-русски, и отдыхавший на курортах Ниццы и Баден-Бадена, был по мировоззрению к мэйбаням весьма близок. Но глядя на историю Китая (вернее, на его падение в веке девятнадцатом из первой державы Азии до полуколонии европейцев), можно увидеть, причина была той же, что при распаде СССР! Мэйбаням, «китайским европейцам», был тесен прежний феодализм, они и обрушили его к чертям, ради собственной выгоды – так же, как верхушке позднего СССР были тесны застывшие псевдосоциалистические отношения.

Надо что-то менять. Сколько ему, Иосифу Виссарионовичу Сталину, еще отпущено – пять лет, десять? Сейчас повезло, минуло 5 марта обычным днем, обманул костлявую. Курить бросил, и внутренняя мобилизация сработала – «нельзя умирать старому джигиту, пока внуков на коней не посажу». Но мобилизация – это палка о двух концах, ресурсы организма жжет с увеличенной силой. Так сколько мне еще осталось? Говорят, что царь Николай Первый всю жизнь понимал ущербность для России крепостного права, и все собирался его отменить, да так и не решился. И он, товарищ Сталин – понимает, но боится штурвал отпустить, а вдруг пойдет не так? Государственный комитет обороны, реально правящий всем в войну, распустили в сорок шестом лишь. Затем примеривались четыре года, тут новый кризис пятидесятого, когда чуть до атомной войны не дошло – и здравствуй, Совет труда и обороны, то же самое по сути! Так и будем в режиме чрезвычайщины править? «Работает, и не трогай» – так товарищ Сирий сказал, атомный наш гений – верно, но лишь пока он, товарищ Сталин, жив! А без него – сразу все обвалится.

Так хочется самому все тянуть. И уйти, когда придет его час – чтоб после него не на сорок лет, а на века осталась бы великая страна СССР! А не дурацкие памятники, которые какой-нибудь никитка решит снести. Ну а лично ему – как в фильме про Ивана Грозного, в новой редакции, песня из будущего, музыкальным фоном в конце.

Схиму перед смертью принял царь Иван,

Завершив свое служенье.

Учиненный образец оставил нам

Для последнего сраженья.

Подвигами наших предков я горжусь,

Час пробьет для русских звездный,

Во святых у Бога молится за Русь

Царь Иоанн Четвертый Грозный!

И чем не эпитафия будет на его могиле – принял страну с сохой, оставил с космическими ракетами? Товарищам Королеву, Глушко, Янгелю все условия созданы, и полным ходом идут работы на будущем космодроме Байконур. Хотя первый спутник, еще на доработанной «пятерке», а не на «семерке», можно и с Капустина Яра запустить! Дожить бы только до первого спутника и до полета первого космонавта. Увидеть день всемирного торжества СССР.

С материальным фундаментом коммунизма вроде ясно. Люди бы только не подвели!

Есть у революции начало – нет у революции конца. Анекдотический случай, когда он это в телефонную трубку произнес, чисто машинально, как ежечасно перед медиками. А на том конце провода был товарищ из Ташкента – и перепугался до сердечного приступа, решив, что таким образом сам Сталин ему неудовольствие высказывает! Однако лишь теперь, от этой процедуры, даже ему, Красному императору, как его гости из будущего называют, наконец ощутимо стало, что время его отмерено и тикают часы. И надо всерьез озаботиться, что после его ухода будет – лет через пять, десять. Кто встанет во главе?

Анна Лазарева. Молотовск (Северодвинск)

5-8 марта 1953 г.

Я – жена Адмирала из будущего. Уже десять лет.

В лето после Победы мне предложили демобилизоваться. Стать лишь женой и матерью, на что я имела полное право. Восстановиться в ЛГУ, откуда я ушла в сорок первом, отучившись два курса. Но я уже много слышала про тот мир 2012 года, из которого к нам (путем неведомого науке феномена) попал атомный подводный крейсер со всем экипажем. Я не была уже прежней, беззаботной и доброй Анечкой, мои родители погибли в Ленинграде в первую блокадную зиму, а у меня за плечами была Школа, оккупированный Минск, партизанский отряд и полсотни лично убитых фашистов. «Если тебе плохо, плакать должна не ты, а тот, кто в этом виноват» – Лючия считает эти слова моими, но я сама услышала их от того, кого сегодня уже нет среди живых. И я готова была драться насмерть – за то, чтобы мои дети не увидели гибель моей страны, а мои внуки не мечтали стать бандитами и проститутками.

И я никогда не забуду слова моего Адмирала. Что сейчас на свете он боится лишь одного. Что мы не сможем историю изменить, и через сколько-то лет все пойдет, как там – распад СССР, реставрация капитализма. И вся наша суэта здесь окажется битвой с ветряными мельницами. Три твари в этом веке причинили нашей стране, нашему народу, наибольший вред – Гитлер, Горбачев, Ельцин. И если в этой реальности мы предупреждены, и последние двое не поднимутся выше рядового рабочего или колхозника – то с их идеями может вылезти и другая мразь. Что марксизм о роли личности в истории говорит?

«Не бывает такого, чтобы один проходимец сбил с пути многомиллионную нацию» – Энгельс, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Значит, массы тоже хотели – как рассказывал мне мой Адмирал, «в девяносто первом мы верили, скинем комбюрократию, демократически выберем лучших – и все как в Швейцарии заживем». И выбрали – жуликов и воров, растащивших по карманам и оффшорам народное достояние – все, что мы десятилетиями создавали, за что кровь лили, себя не жалея! Легко остановить одну большую сволочь – но что делать со сволочной идеей, охватившей массы, как вирусный грипп?

Так и появилась наша служба. В мое первое дело в Киеве, то же лето победного сорок четвертого, я числилась как помощник члена ЦК ВКП(б) товарища Пономаренко, ответственного за пропаганду. Это удостоверение и сейчас у меня есть, как и «корочки» МГБ – согласно регламенту, сотрудники Службы партийной безопасности имеют право «при исполнении» на любую должность и фамилию. Мы стоим в иерархии выше, чем госбезопасность, но не подменяем ее – если их можно сравнить с хирургами, удалять пораженное уже развившейся болезнью, то мы – терапевты, должны процесс на ранней стадии перехватить,

или даже гигиенисты – такие условия обеспечить, чтоб болезнетворным бактериям благоприятной среды не было с самого начала. Ну, а в разговоре к нам прилепилось неофициальное слово «инквизиция». Хотя герр Рудински (бывший группенфюрер, а сейчас бессменный пока глава Штази ГДР), с которым я свела знакомство, когда он приезжал в Москву по служебным делам (а после и я также побывала в гостях в Берлине), утверждал, что мы – это полный аналог СД, «партийная безопасность», также стоявшая в иерархии выше всех спецслужб рейха.

Еще нас зовут «опричниками» (фильм про Ивана Грозного вышел здесь в сорок девятом, обе серии). Хотя это чаще относится к таким, как Смоленцев или Кунцевич. Которым уже после Победы доводилось и выжигать бандерье из вонючих схронов, и помогать товарищам из Народной Италии доказывать мафии, что она вовсе не бессмертна. И случалось погибать в формально мирное время и даже на своей территории. Ну, а я после Киева, где их «атаман», генерал УПА Василь Кук меня к смерти приговорил, лишь исполнить оказались руки коротки, больше работала с людьми творческими. И с мастерами знакомство довелось свести, как, например, фантаста Ефремова в Союзе писателей отстаивала – но нередко такой гадючник попадался, руки хотелось вымыть после! Одна лишь Лида Чуковская чего стоит[7 - См. «Алеет восток».], достойная предтеча тех, кто в перестройку с эстрады будут кривляться: «не отдадим завоеваний социализма – а что, их кто-то хочет у нас отнять?», «будем голодать стоя, а не на коленях», «так жить нельзя». Которые как раз и расшатывали понемногу монолит советской веры. Скажете, они были зеркалом реальных ошибок политики партии? Так тот фронт отдельный, большая стратегия – и хочется верить, что те, кто наверху, здесь такого безобразия не допустят! Ну а мы тактики, принимаем меры на своем уровне. На Севмаше я с товарищами учеными много общалась, и от них узнала, что теоретическая прочность материала (стальной балки или проволоки) в разы, если не на порядки, выше конструкционной – но лишь при условии, что образец идеальный, без микротрещин и локальных неоднородностей, чего практически не бывает. И разрушение при превышении нагрузки всегда с этих микроскопических слабых мест и начинается – чем их больше, тем скорее. Ну так позаботимся, чтобы в духовной области здоровых трудовых масс СССР было поменьше таких «концентраторов напряжений» – все не убрать, но сильно убавить их число вполне реально. И хуже от этого точно не будет!

На Севмаше праздник – спуск на воду очередной атомарины для ВМФ СССР. Серый пасмурный день, обычный здесь для начала марта, который тут совсем не весна – везде снег лежит. А на заводе торжество – пришли и те, кто был в этот

час свободен от смены, но тоже хотел посмотреть на итог своего труда. С одобрения руководства – для поднятия морального духа коллектива. Не только заводские, но и ученые, инженеры и преподаватели Северного Кораблестроительного института, а также те, кто работал на Втором Арсенале, секретном объекте за южными озерами – и лишь те, кому положено, знали, что товарищ Курчатов там не минно-торпедным вооружением занимается, а совсем другими делами. Я тоже присутствовала, стояла рядом со своим Адмиралом. Не было оркестра – лишь из репродуктора гремел марш. И не произносили торжественных речей – да и погода не способствовала. И вот, открыли ворота док-камеры, где стояла огромная сигара атомарины – из-за резинового покрытия на корпусе, атомные лодки не спускают со стапелей, а строят как линкоры, хотя и говорят «спустили». Еще будет достройка на плаву у стенки завода – но лодки сходят на воду в большей технической готовности, чем надводные корабли, а оттого достроечный период у них короче. Марш из репродуктора сменился выпуском новостей – трудовые подвиги советского народа и всего социалистического лагеря. И про Китай, где стараниями американского империализма и военщины все еще полыхает война – хорошо хоть уже не у наших границ! И не как в пятидесятом, когда едва до Третьей мировой не дошло.

Народ расходиться стал – кроме тех, кому положено на лодке работу продолжить. И мой Адмирал мне сказал тихо, чтоб никто больше не слышал:

– Солнышко, я к Курчатову. Затем к Золотареву загляну. До вечера – увидимся уже в гостинице.

Ой, приятно как, когда он так меня называет! Когда мне хочется слабой быть – а не «стальной леди», давно уже нет тут мистера Эрла, кто мне это прозвище дал, так прилепилось! Юрка Смоленцев с большей частью своих «песцов» на Второй Арсенал поехал, охрану обеспечивая – со мной лишь Лючия (и никто не скажет, что хрупкая итальяночка – это отменный рукопашник и стрелок, бывшая партизанка-гарибальдийка, да и Смоленцев очень хорошо обучал свою жену, ходившую с ним самого Гитлера брать) и трое ребят. Старшим – Валя Кунцевич, тоже из команды «будущего». Проник в кабинет на втором этаже заводоуправления, который товарищи с Севмаша выделили мне для разбирательства дела, устроился в кресле у двери.

– Не помешаю. А вдруг на тебя нападет этот партиец, недовольный твоим вердиктом? – И добавил с иронией: – Ну, и приятно моему глазу на тебя, Аня, еще

посмотреть.

Ну смотри, не жалко, за погляд денег не берут. Только ты что, уже решил, кто прав? Еще к рассмотрению не приступая.

– Ань, а ты веришь, что Иван Семенович может оказаться виноватым? А закон, уже прости, в данном случае – инструмент. Если мы, «инквизиция», как раз для того и нужны, чтоб отсечь, где формальный закон расходится со справедливым понятием. Чтоб не вышло – по закону, а не по правде.

Логачева Ивана Семеновича, бывшего главстаршину с «Воронежа», я знала отлично. Те из экипажа, кто после Победы законно решили демобилизоваться, но не рвались взлететь высоко, как мой Михаил Петрович или товарищ Сырый, – в подавляющем большинстве остались здесь, на Севмаше. Место, хорошо знакомое еще с войны (единственное в СССР, приспособленное для базирования и техобслуживания атомной подлодки), их тоже тут знают и ценят, «с той самой „моржихи“, все гвардейцы, орденоносцы» – и работа по специальности, с зарплатой и жилищными условиями, заметно лучшими, чем в среднем по СССР. И нам удобно – ведь не отпустишь в вольную жизнь носителей высшего уровня тайны, но держать их под замком и надзором было бы черной неблагодарностью. Если, кино я смотрела про «Зори тихие», и там слова есть, что за иную секунду в бою тебе положено до гроба водкой поить того, кто тебе ее обеспечил – а эти люди всему Советскому Союзу лишний год мира подарили. А тут закрытый город, где иностранцев нет, и вообще чужие люди редкость.

Так и ушел на гражданку гвардии мичман Логачев, кавалер трех орденов (Отечественная Война, обе степени, и Красная Звезда) и пяти медалей (Заполярье, Нахимов, Ушаков, «Боевые заслуги» и за Рим). Желая, как кто-то великий сказал, «посадить дерево, построить дом, вырастить детей». Работал мастером в цеху на Севмаше, женился на Танечке Авдеевой, из моей команды «стерв», слышала уже, что дочка у них родилась. И еще Иван Семенович был фанатом русбоя (карате и айкидо, из того мира) – по мастерству уступая Смоленцеву, но по таланту тренерскому даже его превосходя. Но на предложение пойти в кадры МГБ натаскивать рукопашников ответил отказом – как мой отец когда-то, мастер Балтийского завода в Питере, не захотел идти в НКВД, куда его звал дядя Саша, старый друг нашей семьи (сегодня комиссар госбезопасности Кириллов Александр Михайлович) – зато и сейчас три раза в неделю по вечерам тренирует группы на стадионе «Север». Как и во время войны заводских учил – это ведь он прием ставил, который мне жизнь спас,

когда меня Федька Тролль хотел зарезать. И вот как записано в уголовном деле: гражданин Логачев И.С. (никогда прежде в хулиганстве не замечен, характеризуется исключительно положительно) прилюдно избил товарища Нелина О.А., секретаря парторганизации завода! Качественно избил – с переломом носа и сотрясением мозга!

Что, по закону, дело не просто уголовное. И не надо смеяться, «битая морда партийного секретаря – политическое преступление». Отец мне рассказывал, как в двадцатые (особенно на селе) контрреволюционная мразота, нэпманы и кулаки, подговаривали шпану: «Вы хорошенько избеите этого активиста, вот вам червонец на водку и червонец на штраф». До 1926 года это считалось мелким хулиганством, проходившим по разряду «административные», не уголовка – чем недобитая контра пользовалась вовсю. Затем вышел даже не закон, а постановление – и битая физиономия соседа дяди Вани, и она же партийного или комсомольского секретаря, стало очень большой разницей касаясь последствий для обвиняемых! Ну, а глава парторганизации Севмаша – это пост, равный армейскому полковому, или даже дивизионному комиссару! В то время как Иван Семенович, по военной аналогии, не выше ротного (пусть и заслуженного). И случись такое в рядах Вооруженных сил, да еще в военное время – тут минимум штрафбат, максимум расстрел. Да на гражданке простому мастеру или рабочему вышло бы от десяти и выше. Вот только Иван Семенович (как все гости «из будущего») в особом списке состоит – это даже не один документ, а целый реестр, по категориям: «А» – это собственно люди из 2012 года; «Б» – это те из этого времени (граждане СССР), чью деятельность надо всячески поддержать; «В» – напротив, пресечь; «Д» и «Е» – аналогично, но иностранцы. Есть еще внутри градация, например, «А1» – это те, кто особо важен, как мой Адмирал или товарищ Сирий, у прочих номер после литеры означает не приоритет, а род занятий. И существует секретная инструкция, что к лицам из категорий «А» и «Б» любые действия вроде ареста могут предприниматься лишь с ведома и разрешения нас, «инквизиции», и никак иначе! Были уже прецеденты, с большими неприятностями для виновных, кто на отметку в личном деле внимания не обратил – так что местные товарищи порядок хорошо усвоили. Вот и прислал Пономаренко меня разобраться. Ну, а я, конечно, рада – что попутно с мужем в командировку и девчат из бывшей своей команды увижу (Ленка, бывшая моя заместительница, сейчас носит фамилию Золотарева), да и на заводе и у Курчатова помнят меня очень хорошо!

Читаю следственные бумаги – интересно, а трудовой коллектив выступил в защиту Логачева! А вот Нелин мне незнаком, на Севмаше он недавно, года еще не прошло. Но не тыловая крыса, как я подумала сначала! Из крестьян, воевал,

«политрук сорок третьего года» – когда по уставу стали на самую низшую должность ротного политрука идейно выдержанных сержантов ставить, две недели обучения – и офицерские кубари в петлицы. С одной стороны, это низовой политсостав резко оздоровило, а кому везло, то и выше поднимались. С другой же – и потери среди таких политруков были выше, чем у строевых офицеров: в атаку первым бежать, бойцов поднимая, и для немецких снайперов цель, и, конечно, в плен их фрицы не брали. Но если человек честно отвоевал, две «Славы» (была у политруков привилегия, право на этот солдатский орден) и две медали (не юбилейные), так какого черта на своих наезжает? И странно – демобилизовался он в сорок шестом, и дальше за семь лет девять мест работы. Это отчего такой кадр все старались от себя спихнуть поскорее? Без позора, но и без наград – то есть и обвинить не в чем, но лучше иди ты от нас подальше?

– Ну, здравствуй, Иван Семенович! Ты садись, чаю выпей и бутерброды бери, не стесняйся. Что случилось, расскажи? Как вышло такое – ведь ты же не восемнадцатилетний балбес, у которого молодецкая удаля из ушей прет, кулаки почесать и перед друзьями покрасоваться.

Осунулся, постарел. Хотя даже несколько дней в камере на пользу не идут. Но мер физического воздействия к тебе не применяли (той же инструкцией категорически запрещено). Так расскажи, как это вышло – я внимательно слушаю!

– Это еще в прошлом году началось, сразу как этот Нелин пришел. Ладно, двадцать процентов зарплаты облигациями выдают, привыкли мы уже, тем более что и оставшегося на жизнь хватает. Так этот, как пообвыкся, сразу с почином выступил на собрании: мобилизуем внутренние резервы – пусть каждый себе по минимуму оставляет, а все остальное стране на восстановление. И чтоб мы все подписали. А я встал и сказал: шиш! Двадцать процентов ладно, мы все понимаем, но остальное – честно заработанное. И мужики меня поддержали, и не только наши, с «моржихи». А Нелин запомнил. Татьяне моей пенсия была положена, за отца, офицера, погибшего на фронте. Так Нелин к ней – время сейчас нелегкое для страны, и подумай, не нужны ли эти деньги кому-то больше, чем тебе, откажись, будь сознательной. По-честному, прожили бы мы и без них – но в хозяйстве, как понимаете, Анна Петровна, и копейка лишней не бывает! А Нелин к Татьяне с угрозами – за несознательность как бы тебе из комсомола не вылететь? Ну, я после к нему, и в крик – но тогда без драки обошлось. Так последнее самое: мы в очереди на отдельную квартиру стояли, комната в коммуналке у нас большая, уютная, и соседи хорошие – но как Анечка

родилась, лучше было бы, чтоб полностью свое, на кухне у плиты не толкаться. В этом году должны были заселиться – и тут выяснилось, что нашу квартиру другим отдали, Нелин сам якобы от меня заявление написал, подписался моей фамилией и куда надо отнес. Что будто бы уступаю я свою очередь кому-то – у тех трое детей, а у нас с Таней пока одна лишь Анюта. Я к нему, а он лишь смеется и говорит: «А вы бы сами, товарищ Логачев, разве такое заявление бы не написали? Как настоящий советский человек. Вот я вас от такого, само собой подразумевающегося, и избавил. А вы подождите еще годик или два – получите тогда свою квартиру, если у вас сознательность будет». Ну, я ему и влепил от души, не сдержался, виноват. Да вы мужиков поспрашивайте – Нелин и их достать успел своими идиотскими инициативами! И не он один – тут партийные в большинстве нормальные, но есть еще парочка таких же болванов.

– Что ж, Иван Семенович, я тебя услышала! И постараюсь сделать все, что смогу. Езжай домой – под подписку. Валя, ты бюрократию оформи!

– И головой впредь думай! – добавил Валька. – Зачем в морду, да еще при свидетелях? Наедине, по почкам, под дых, чтоб внешних следов не оставалось – а после его слово против твоего: «Не бил, не видел, не ведаю», – и еще вопрос, кому бы поверили, он секретарь, но и ты ведь не из последних на заводе? А нам теперь – тебя вытаскивать. Иди!

Вызвала еще свидетелей. Из логачевской бригады – и тех, кто при инциденте присутствовал. И расспрашивала, как бы невзначай, про иные случаи. Все подтвердилось – и даже сверх того. Что за вредительская практика: «отдых – это мера поощрения»? Когда любого могут в законный выходной, или вечер после смены, выдернуть на завод «по производственной необходимости» – а на деле чтоб не расслаблялся. И не только из дома!

– Я в ДК на представлении сидел, с девушкой, тут прямо со сцены мою фамилию объявляют и требуют срочно прибыть в цех. А после оказалось, что дело-то и не срочное, до завтра могло бы и потерпеть – а у меня к Даше серьезные намерения были, и наконец вышли вместе культурно отдохнуть! А Нелин говорит – считай это проверкой твоей мобилизационной готовности, ну а девушка понять должна, если не мещанка.

– А мы всей семьей еще тем летом, в августе, в отпуск хотели, к Черному морю. Путевки, билеты, в вагон уже сели, как посыльный прибегает. Делать нечего, вернулись – а оказалось, что вполне без меня могли обойтись! Начальник цеха

сам удивлен был – оказалось, это Нелин настоял.

– В нашем цеху так вообще, наш парторг, приятель Нелина, вылез с предложением. Чтоб зарплату на руки не выдавать, а в общем ящике держать, сразу за квартиру и столовую оплачивать, а остальное – «на нужды восстановления народного хозяйства СССР». И что каждый, кому надо себе лично что-то купить, может взять из своей части – но только после того, как заявление напишет, где свою потребность обоснует. Его, конечно, послали – но мужики в задумке, а вдруг продавит, он ведь не успокоится!

Кунцевич, в углу сидя, лишь головой качает. А после мне сказал, без свидетелей:

– Аня, вот если честно, там, откуда я... У нас в таком режиме лишь беспаспортные таджики работать соглашались. А наши, русские, называли это бессовестной эксплуатацией и вспоминали семнадцатый год.

И добавил:

– Кстати, там этот Нелин в приемной уже кипятком ссыт. Что его – последним. Не по чину!

Перебьется. Что, никого больше не осталось? Вот теперь зови – даже интересно, что за человек?

Входит – в военной форме, со всеми регалиями, три кубаря в петлицах. То есть по армейскому званию даже до «шпалы» (старший политрук, равен армейскому капитану) не дослужился. Еще страннее, если в этом качестве с июня сорок третьего, с Днепра воевал. Голова обвязана, пластырь на носу. И под окопника играешь – в этой реальности старые знаки в петлицах для полевой формы оставили (не видны погоны под бронежилетом и разгрузкой), но у фронтовиков это стало вроде отличия от тыловых, цепляли их и на форму повседневную (особенно в провинции). И ордена надеть не забыл, а иконостас у тебя, однако – кроме уже названных «Слав», еще Красная Звезда и три медали: «За боевые заслуги», и еще Будапешт и Вена. Меня за столом увидел, рожу чуть заметно скривил – ну да, я на «товарища Брекс» (персонаж моих киевских приключений) совершенно не похожа, форму даже при исполнении очень редко надеваю, и сейчас на спуске лодки была в шубке и шляпке с вуалью. Нагло пользуюсь привилегией «инквизиторов» называться любым (не своим) именем, иметь на

него документы, а также носить мундир любого ведомства или не носить такового вообще. В платье чувствую себя свободнее, увереннее – а вот оппонент склонен меня недооценивать, «вырядилась как фифа», «что баба понимает». Ну, а я привыкла уже, что если кому-то не нравится мой вид – это их проблемы.

Интересно, будет ли он права качать – что не его первым приняли? Если, как Валя подсказал, он тут давно и видел, как Иван Семенович из кабинета выходил. Не стал – значит, не совсем дурак и субординацию соблюдает. Молчит с крайне недовольным видом.

– Что вы можете сообщить по сути происшедшего?

– А все уже в моем заявлении изложено. И в материалах уголовного дела. Я могу простить гражданину Логачеву оскорбление действием в отношении меня лично. Но не прощу – в отношении линии партии в моем лице. И требую наказать виновного по всей строгости закона.

– Минуту, товарищ Нелин. Разве причиной ссоры было не то, что вы по сути украли квартиру у семьи Логачевых, подделав заявление? Что, между прочим, является нарушением закона!

– Формально да. Но как я понимаю, в нашем советском, коммунистическом государстве закон должен служить коммунистической идее, а не наоборот! А я эту квартиру не себе присвоил, а отдал более нуждающимся. Помог Логачеву сделать правильный гражданский выбор! Надеюсь, что он все же истинный советский человек. А не мещанское мурло, каким оказался. За это пусть и ответит. Не за мелочную ссору – а за то, что оказался «не наш».

– А незаконные поборы с советских людей неизвестно в чей карман – это «по-нашему»? Это вы предлагали, чтобы человеку в отпуск уйти, ему надо всю зарплату положить в общий ящик непонятно на что? Этим создав на заводе дезорганизовую обстановку, мешающую нормальной работе – в результате чего возникала угроза срыва сроков сдачи заказа и нанесения ущерба обороноспособности СССР. Да еще и ваши разговоры, идущие вразрез с линией партии, что честный заработок и повышение уровня жизни советских людей не просто допустимы, но и являются одними из целей социалистического строительства в СССР!

– А вот этого – не надо!!! К моим рукам – ни копейки не прилипло! Я еще на фронте все свое денежное довольствие в Фонд обороны сдавал! И сейчас – армейское свое донашиваю, других вещей у меня нет! Покажите мне, кто такое заявляет – и я вам отвечу, это вражье мурло!

– Вы не кричите так, я вас отлично слышу. Так вы признаете, что искажение утвержденной линии партии имело место?

– Ну раз так – вот вам еще один документ, прочтите. И проверьте, не являются ли те, кто тут назван – теми, кто клеветает в вашей писульке. Те, кому не нравится Советская власть! И можете считать это моим заявлением куда положено – чтобы этих тоже к ответу привлекли.

Читаю. Список – фамилия, должность, проступок. Не вижу ни одного акта вредительства и саботажа как такового! А лишь что-то сказал, «выразил невесторженность», «опять на демонстрацию переться». А это что – оскорбительно пели «Марш коммунистических бригад»? Или это какая-то другая песня?

– Та самая, «Сегодня мы не на параде – а к коммунизму на пути». Но слышали бы вы, каким тоном они это пели! Что выражало их истинное отношение к коммунистической идее.

– Товарищ Нелин, вы что, смеетесь? Мы не в театре, а вы не массовик-затейник. Я вас серьезно спрашиваю – что вы можете сказать о сознательном искажении вами линии партии? Чему есть многочисленные и официальные заявления от рядовых коммунистов завода. Так, как вы себе позволяете – еще можно относиться к каким-нибудь «лишенцам», власовцам, врагам Советской власти. Но никак не к людям, делом доказавшим этой власти преданность и заслужившими от нее награду!

Нелин помолчал чуть. А затем рубанул, как с парашютом из люка бросаясь:

– Я считаю, что линия партии, проводимая сейчас, не отвечает цели скорейшего построения коммунизма. В семнадцатом году мы должны были обещать массам повышение заработка и восьмичасовой рабочей день – имея человеческий материал того, старого мира, который можно было поднять на бой лишь их шкурным интересом. Также, приняв сперва верные принципы, мы принуждены

были временно отступить от них, введя нэп и прочие там материальные заинтересованности. Но сейчас, после великой Победы, снова созрели условия, когда мы можем идти вперед, не оглядываясь. Отдавать максимум, себе брать минимум – это правило должно стать всеобщим. А кто не согласен, тот враг.

– Да где же тут враги? Вы по сторонам оглянитесь, товарищ Нелин. Что-то я даже в вашей докладной ни одного саботажника не углядела, напротив. Отчего-то как раз те, кто трудятся хорошо – вызывают вашу наибольшую неприязнь. А не саботаж ли это, уже с вашей стороны?

– Я ничего не имею против ударного труда. Но я решительно против, когда этим пытаются оправдать мещанское желание больше потратить на себя. А не как надлежит – добровольная возможность отдать сверхплановое на общее дело. Как в войну наши советские люди сдавали сбережения – на танки и самолеты фронту.

– Даже так? Вы слышали, что такое Сталинская премия, товарищ Нелин? От пятидесяти до двухсот тысяч рублей – я знакома с теми, кто ею награжден, заслуженные товарищи, действительно сделавшие многое во благо СССР. Они спокойно тратят ее на себя, как вы говорите, покупают автомобили, дачи, хорошие вещи – и никто их не осуждает, включая самого товарища Сталина! Хотя считается за приличие некоторую часть перечислить в какой-нибудь фонд.

– Считается за приличие, – Нелин скривил рожу, – не из-за идеи, а потому, что так положено, делают все? Но я не могу смотреть, не могу молчать, когда не мою – ленинскую правду разменивают на квартальные премии! Как там у Маяковского: «Мы обыватели, нас обувайте вы, и мы уже за вашу власть». Товарищ Сталин сказал: «Социализм у нас в основном построен», – то есть прямых врагов, эксплуататоров и их пособников, мы истребили, не осталось их уже. Значит, главный наш враг теперь – это внутренний буржуйчик, что внутри у многих сидит. Даже в заслуженных товарищах, и даже, может быть, тех, кто на самом верху. – Тут он чуть заметно покосился на портрет Сталина на стене. – Если человек при эксплуататорском строе жил тысячи лет и им пропитан – а социализму и полувека нет, – то даже самые заслуженные могут слабинку допустить, считать, что это мелочь, это дозволено. А я вот – не могу. Так как уверен – этот внутренний хозяйчик коммунизм погубит! Если ему волю дать. Все растащит по своим углам!

– Идеи любопытные, товарищ Нелин. Не подскажите, в каком труде классиков это написано?

– Пока нигде! – едва не расхохотался Нелин. – Товарищ инструктор, ну не все же одной линии партии следовать, как слепому держаться стены, попробуйте сами подумать! Вот и я – своим умом дошел. И как увидел, страшно мне стало. Как погибнуть может то, за что мы боролись. И решил – за коммунизм жизнь положу. Своего внутреннего буржуя из себя выдавить, и не по капле, как интеллигент Чехов призывал, а сразу, как гной из нарыва – пусть кровь в стороны, пусть больно, даже несправедливо иногда – но надо! И так же – помочь другим. Даже тем, кто еще не осознал. Без всякой демократии – ясно же, что гнить и разлагаться приятнее. А мы заставим. Палкой, кто не понимает. Чтобы тот, кто «мое» скажет, все равно по какому поводу – уже изгой. Главное, чтобы новое поколение в новых правилах росло. Тогда – уже через двадцать лет мы все при коммунизме жить будем! Вы только нам не мешайте, рук не связывайте!

Тут он на меня посмотрел и добавил серьезно:

– Хотя и такие, как вы, товарищ инструктор, нам будут нужны. Которые утвержденной линии следуют – потому что отклониться нельзя. Но подумайте – может, и в вас эта гниль есть? Здесь заводские девчата, красивые тряпки покупая, оправдываются: «Мы как товарищ Лазарева, которой сам Сталин разрешил», и на мужиков еще давят, оправдывая их рваческие инстинкты. Если вы коммунистка, то объяснить должны, что вам это исключительно для представительства нужно – ну а прочим не положено!

– Так вы не желаете примириться с товарищем Логачевым? – спрашиваю я. – И принять его извинения. У него все ж жена и малолетняя дочь!

– Исключено! – заявил Нелин в ответ. – Безднаказанность порождает вседозволенность. Сегодня это мордобой с его стороны, а завтра – саботаж и диверсия? А дочь – пусть лучше вырастет в детдоме, чем мещанкой.

И тут я заметила, что Валентин (сидевший за спиной Нелина, так что тот его не видел) приподнялся и подобрался, словно готовясь к бою. И сделал жест, будто нажимал пальцем на спусковой крючок – «опасность, готовность, враг». Лючия, заметив это, стала разглаживать складки платья на боку – у нее, как и у меня, под платьем маленькая кобура с браунингом, к поясу от чулок подвешена (нет

еще колготок), лишь руку просунуть в прорезь по шву, как в карман. Я удивилась (Нелин ведь не бандеровец, не фашист, не шпион), однако как бы случайно передвинулась в сторону, подальше от возможной линии огня. И надо скорее завершать разговор.

– Свободны, товарищ Нелин. Идите пока.

Для Вали не составит труда в одиночку его обезвредить? Да и за дверью ребята ждут. Но Нелин вышел беспрепятственно, хлопнув дверью.

– Валя, что за дела?

– Английский шпион здесь, на Севмаше, в сорок восьмом, – отвечает Кунцевич, – помнишь?

Меня тут уже не было, но за севмашевскими делами я следила внимательно. Еще в сорок четвертом шестеро британских шпионов высадились с подлодки в районе Киркенеса, союзники против нас уже тогда козни плели вовсю. В море их подбирал Олаф Свенссон, он же Олег Свиныин (знакомая личность, еще с сорок второго). Он тогда сразу и попался, раскололся до донышка, и описание дал, кого на свой баркас взял и куда доставил. А Заполярье все ж не Москва, каждый новый человек на примете – в итоге четверых взяли, один при задержании убит, а еще с одним было сомнение. Тело нашли, уже объединенное песцами – попал человек на дороге в пургу и замерз, тут такое и в начале мая бывает. Но были при нем пистолет, комплекты документов на разные имена и крупная сумма денег – так что без сомнения не наш! Тем более что о пропаже наших в то время и в том месте информации не было. Дело ушло в архив, и тем бы все кончилось, если бы не Валька!

Он был на Севмаше в сорок восьмом, по своему делу. И попутно поинтересовался у местных товарищей оперативной обстановкой. В том числе и той, которую освещали «добровольные помощники» в городе и на заводе. Тут обнаружилось, что один, некто Федор Скамейкин, по числу сигналов намного опережал прочих – причем сигнализировал не только на тех, с кем рядом работал или жил.

– Я просто из любопытства решил на него вблизи посмотреть, – рассказывал мне после Валька, – а этот тип возьми и ляпни: «Для пользы дела же, даже по малости – ведь если кто-то в малом от генеральной линии партии отклонится и

останется безнаказанным, то завтра он уже по-крупному совершит, вплоть до измены и диверсии». А у меня сразу, как у собаки, будто шерсть на загривке дыбом – поскольку логику эту я слышал в телеящике в веке двадцать первом, где какая-то не наша морда, говоря по-русски с акцентом, разъясняла, чем плох правовой нигилизм, и приводила в оправдание именно такие слова: «Если сегодня безнаказанно в малом, завтра будет убийца-маньяк или иная крайне опасная личность». И что именно потому у них норма, что приходит сосед к соседу в гости на уикэнд, а после стучит в налоговую: «Мне кажется, что такой-то живет не по средствам, проверьте, пожалуйста», – и после они продолжают оставаться друзьями: «Какие обиды, я ж тебе услугу оказал!» Это при том, что здесь, в сталинском СССР, где, по словам Новодворской, «все на всех стучали», я слышал «сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст» – в анекдоте, но вот ни разу от сотрудников кровавой сталинской гэбни! Все ж национальный менталитет роль играет – если во все времена по числу доносов куда надо на душу населения с большим отрывом лидировала Германия (что кайзеррайх, что рейх, что ГДР или ФРГ), за ней были Англия и США, а вот мы то ли на шестом, то ли на седьмом месте. И почуял нутром – что не наш человек!

Анкета у этого Скамейкина была чистая. Не был, не участвовал, не привлекался, 1923 года рождения, беспартийный, из крестьян, с Вологодчины. Призывался в сорок первом, служил в 355-й стрелковой, Карельский фронт, это под Мурманском, в роте подвоза, при малогероичности занятия имел все ж медаль «За боевые заслуги» и ефрейторское звание, демобилизован в сорок четвертом. Круглый сирота – отец, Скамейкин Степан Алексеевич, 1898 года рождения, в РККА служил еще в Гражданскую, затем в колхозе работал, в сорок первом мобилизован и под Ленинградом без вести пропал. Мать, Акулина Ивановна, 1899 года рождения, умерла в сорок шестом. Брат младший, Трофим, умер еще перед войной, в 1939-м, от туберкулеза. Вроде нормально – но Валька сделал то, что до него отчего-то никто не додумался: не только послал в Вологду формальный запрос в местное ГБ, но и потребовал, чтобы кто-нибудь съездил в ту самую деревню, показал фото нашего Скамейкина и попытался разыскать там его фотографии. Ведь деревня – тут не только все друг друга хорошо знают, но и часто состоят в родне! И очень бережно относятся к семейным фотографиям, которые после смерти родителей могли остаться у кого-то еще!

И пришел ответ, что по фото деревенские товарищи опознали приятеля нашего Федора, заезжавшего проездом в сорок шестом. Как раз тогда и мать, баньку для гостя истопив, после сама решила попариться, так и сгорела. С войны было: с товарищем по случаю весть домой передать – это святое. И подумать не могли местные, что этот гад свидетельницу убирал (а заодно и все фотографии со

стены из дома прихватил). А еще Валя вспомнил то дело с англичанами, где были не только показания Свинына, но и нарисованные по его описанию портреты – запросил срочно из архива, и по фототелеграфу, один оказался вроде бы на нашего Скамейкина похож.

– Я, когда эту сволочь взяли, первый вопрос ему задал: «Ты зачем мать убил, которая и так сына от твоей руки потеряла?» Оказалось, ехал настоящий Федор Скамейкин после дембеля на Севмаш, в пути с попутчиком разговорился и выложил ему про себя все как на исповеди, шпион и решил воспользоваться моментом. Кстати, был он не британцем по крови, а сынком какого-то белоэмигранта. И держался нагло – отчего-то веря, что мы его после на кого-то из наших попавшихся обменяем. И ведь могли бы (хотя после Севмаша вряд ли, но теоретически...). Так что напоследок, до того как его по этапу в Москву отправить, я ему от себя персональный подарок вручил – даже если его обменяют, детей у этого козла точно не будет, после хорошего удара сапогом по причинному месту!

– Валя, а этот Нелин какое отношение к тому делу имеет? Или ты считаешь, что...

– Да, именно так. Вредительство ведь и таким может быть – через доведение чего-то до абсурда. Ну и врагов Советской власти плодить.

Три дня ушло на проверку, которая установила, что Нелин настоящий, без подмены, не шпион, а дурак. Ну что ж – будет тебе сюрприз.

С утра восьмого, день выходной. И праздник – а у нас партсобрание (или партийный суд, как считать). Нелин гоголем сидит – думает, тут Логачева будут исключать (как заведено, перед осуждением, судом или трибуналом – ведь коммунист преступником быть не может). Нет – первым пунктом разбираем дело Нелина О.А. Обвиняемого в неправильном толковании линии партии, дезорганизации производственного процесса военного завода, ведущей к ущербу для обороноспособности СССР. Зачитывание свидетельских показаний (Нелин пытался вмешаться, но слова ему никто не давал), и в завершение я говорю:

– Что ж, товарищи, вина гражданина Нелина (уже не товарища) в извращении указаний товарища Сталина и ошибочном уклоне от линии партии доказана

полностью. Мое предложение – из партии исключить. Проведем голосование.

И поднимаю руку за. Единогласно! Хотя сейчас вроде бы дискуссия и иное мнение (в разумных пределах, конечно, и только внутри партийных кругов) вполне дозволяются – демократический централизм! Отчасти потому Нелин и решился мне такое высказать. Но у большинства товарищей привычка – «Кто мы такие, против линии партии идти?»

– Товарищи, опомнитесь! – орет Нелин, наконец получивший слово. – Без партии мне не жить! Я ж за коммунизм, себя не жалея – чтобы не смели, когда мировой империализм грозит нам атомной войной, и – вместо того чтобы стране максимум отдать, себе взять минимум, самого необходимого – растаскивать все по собственным карманам и углам! Сам я свое все сдавал – как на фронте, денежное довольствие и премию за подбитый немецкий танк, в фонд обороны! И в отпуск не ходил – просил компенсацию деньгами, и всю ее тоже... Вы что, не понимаете все, что творите? Вы коммунизм в гроб загоняете!

– Там (рукой указываю куда-то) в море ходит американский флот, – говорю я, – авианосцы, с палуб которых уже взлетали самолеты с атомными бомбами. И если завтра война, они пойдут на Москву, на Ленинград, на все наши города. И чтобы их топить еще до взлета, нам в море ваши правильные слова посылать вместо подлодок? Слова хороши, когда есть результат, тогда это правильные лозунги и хорошая политраба. А когда они делу во вред, этому никакого оправдания быть не может!

Зал аплодирует. С криками «правильно!».

– Моральное разложение еще хуже войны! – кричит Нелин. – Товарищ Лазарева, ну скажите хоть вы, что я вам вчера, это ж выходит возвращение нашего внутреннего буржуа! Вместо того чтобы его давить без жалости! На железки, процент плана – коммунистическое воспитание размениваем, основное наше богатство! Ленин говорил, лучше меньше да лучше – в сорок первом выстояли, выдюжим и сейчас как-нибудь. Даже если будем чуть менее готовы, но более сознательны! Ну сколько там в Сиани погибло народу, двести тысяч – это ж в войну были допустимые потери для битвы вроде Днепра! Так лучше уж после – иметь двести тысяч мертвых героев-коммунаров, чем двести тысяч живых обывателей мещан! Или вы все так их Бомб боитесь, так всем не хочется умирать? А надо иногда – ради победы коммунизма!

– Так, имеем еще и публичный призыв к снижению военной мощи СССР, – усмехаюсь я, – что есть уже прямое вредительство. Товарищ прокурор?

Состав преступления налицо – и скоро поедет Нелин далеко и надолго. Причем сам напросился, никто тебя за язык не тянул. Как сам хотел, на своих товарищей собирая и записывая, что кто сказал и даже «издевательским тоном пел». Погибнуть бы тебе в войну героем – может, было бы и лучше! Ну, а я вспоминаю, как смотрела на компьютере фильм из будущего про стилига, и песня про «скованных одной цепью» – это теперь я вроде как в роли председательши подобного суда? Так с благой целью – не какой-то цвет пиджаков обсуждаем, а оборонную мощь СССР! Да и приговор выносить другие товарищи будут и в другом месте – партия ведь напрямую за уголовный суд не отвечает? Вижу, товарищ прокурор, здесь присутствующий, уже в блокноте что-то строчит и на Нелина смотрит нехорошо. Так что гулять тебе на свободе, товарищ бывший секретарь, до конца дня (вот отчего арестовывать обычно ночью приходят?). Был бы ты женат, с семьей бы попрощался – а так хоть водки выпей напоследок!

– Партбилет в учетный отдел сдадите, гражданин Нелин. И свободны – пока.

Вторым пунктом в повестке дня были выборы нового секретаря парторганизации. Надеюсь, что товарищ, чью кандидатуру одобрили, сегодня увиденное на всю жизнь запомнит – и со своей стороны не допустит в эту сторону даже смотреть. Ну, и третий пункт – снятие всех претензий с товарища Логачева. Поскольку он не против Советской власти выступил, а был до глубины души возмущен словами и делами врага народа Нелина. Все завершилось хорошо, справедливость восторжествовала?

Нелин Октябрин Артемович в учетный отдел не явился. Не было его и дома. При том, как удалось узнать, у него имелось оружие (парабеллум, приказом командира части оставленный ему как наградной) – так что Юрка и Валя всерьез заподозрили готовящуюся месть террориста-одиночки. А кто наиболее вероятные объекты – Иван Семенович и я.

– Я к Логачеву двоих ребят послал, Деда и Гвоздя, – сказал Валька, – и к вам, Анна Петровна, просьба убедительная: без охраны никуда. Кроме как в свой номер с товарищем адмиралом, и то сначала наши проверят, не ждет ли там кто. Хотя Нелин по квалификации не снайпер и не подрывник, обычная пехота. А одиночку с пистолетом мы перехватить сумеем!

Но тут нам сообщили, что Нелина нашли. В парке на Первомайской, где я когда-то гуляла с Михаилом Петровичем, у памятника Ленину, где в хорошую погоду вручали комсомольские билеты и повязывали красные галстуки. Нелин застрелился, и не в висок, а в сердце, чтобы пуля пробила партбилет в нагрудном кармане – на выстрел и прибежали люди и патруль. Умер коммунистом.

– И черт с ним! – изрек Валька. – Сам себя загнал, и кто ему доктор? На одном энтузиазме не уедешь далеко, это как мотор на форсаже, для особого режима необходимо, ну а постоянно так гонять – запорешь движок прежде времени. На войне погиб бы героем – но вот не повезло ему до мирных дней дожить. Ну как берсерк у викингов, кто рано или поздно рехнется, вообразив, что враги кругом. Повезло еще, что сам и себя одного – а не стал всех вокруг, как «предателей». Не бери в голову, Анка! Можем его с почестями похоронить, и довольно. А нам жить дальше и исполнять свои обязанности, как у Фадеева написано.

– Да паршиво что-то стало, – отмахиваюсь я. – Может, просто устала? И верно мой Михаил Петрович говорит, отдохнуть летом – это уже насущная необходимость.

А ведь праздник сегодня – наш, Восьмое марта, и вечер в Доме офицеров. Я еще и с девчонками посидеть, поболтать успела – из нашей, еще военной команды «стерв», кто здесь остался (как Ленка, тогда у меня в помощницах ходила, а сейчас замужем за капитаном 1-го ранга Золотаревым, двое детей уже). А после кружилась в вальсе с моим Адмиралом – а рядом Лючия со своим Юрой. Итальянка выглядела как королева бала – в вечернем платье, которое сообразила с собой из Москвы захватить, в отличие от меня. Но обижаться на подругу нечего, тем более что сама виновата, о том не подумав.

И Логачев здесь, со своей Танечкой, счастливые. Через три дня должны в квартиру въехать (в жилотделе мне клятвенно обещали). Жаль немного ту семью с тремя детьми, что уже заселиться успела – но Иван Семенович заслуг имеет больше, и на заводе седьмой год, а те лишь пять месяцев, как из деревни приехали, и им положено не раньше чем через год, при отсутствии замечаний по работе. Так что по справедливости все и по закону!

Письмо по адресу: Москва, Кремль.

Отправлено из Молотовска 8 марта 1953 г.

Товарищ Сталин! Я, Нелин Октябрь Артемович, 1920 года рождения, фронтовик, имеющий награды, был и остаюсь истинным коммунистом. И потому я не могу молчать, когда вижу, как искажается сама коммунистическая идея – и более того, те, кто поставлен следить за ее чистотой, потворствуют этой лжи!

В последние годы я наблюдаю, как идет активная подмена понятий – вместо передового отряда всего человечества на пути к лучшему будущему, мы превращаемся в обычное государство, такую же страну, «как все». А от некоторых я даже слышал слова «Красная империя». При этом никто не понимает, что коммунистическая идея – это не государственная идея!

Коммунизм требует неуклонного движения вперед. С короткими передышками, чтобы подтянуть тылы – но ни в коем случае не остановка, не перемирие на достигнутых рубежах. Все должно быть подчинено этой победе, не считаясь даже с потерями, мы за ценой не постоим. А государство – поскольку за всю историю не было ни одной всемирной империи – это обязательно закрепление на некоторых рубежах и с некоторого момента мирное сосуществование с соседями.

Коммунизм – это безусловное подчинение своих интересов общим. Когда каждый думает прежде всего о социалистическом Отечестве, и лишь в последнюю очередь – о себе. Подобно тому, как в военные годы мы работали по четырнадцать часов, без выходных и отпусков, и сдавали заработанные деньги на постройку танков, самолетов, кораблей, для фронта, для Победы. Все – ради конечной Победы. Но если эта цель недостижима, то начинается разложение. Идея вырождается в мертвые лозунги (от увлечения которыми, «не зная ни теории, ни практики») нас предостерегал Ленин. Реальным же смыслом для людей станет собственное обустройство – под вопросы «а отчего в Америке еще нет революции». Что, вкупе с поощрением собственных буржуазных инстинктов, неминуемо приведет к превращению нашего советского государства в буржуазное государство.

Я вижу выход – во всемерном ускорении формирования коммунистической морали. Никакого потакания мещанским инстинктам, даже ценой неизбежных издержек, материальных и моральных – конечная цель оправдывает все! Следует

прежде всего категорически запретить так называемое «материальное поощрение», упирая на сознательность: «Ты помог делу коммунизма, спасибо тебе!» Можно также расширить список трудовых орденов и медалей. Но не поощрять внутреннего обывателя, а то очень скоро дойдет до того, что «коммунизм канарейками будет побит». Причем заслуженные товарищи должны первыми показывать пример, сами отказываясь от всех излишних благ.

Я понимаю, что эта мера может вызвать самое яростное сопротивление таких, как тов. Сирый, действующих, возможно, из лучших побуждений, но за деревьями не видящих леса. «Опять сорок первый» – но не будет ли даже такое меньшим злом, чем самое лучшее оружие в руках обывателей мещан, а не коммунаров? Как французы строили свою линию Мажино, будучи морально совершенно не готовыми к войне.

Также я предлагаю самой эффективной мерой – обратить внимание на воспитание подрастающего поколения. Общественное воспитание детей с внушением им истинно коммунистических принципов – в первое время на добровольной основе, но также с обязательным изъятием детей у тех, кто уличен во внутреннем мещанстве. Что позволит в целом перейти к коммунизму уже через двадцать-тридцать лет, при неизбежной смене поколений.

Указанные меры могут быть осуществлены лишь при самой жесткой диктатуре, мерами принуждения. Которые ни в коем случае не могут быть ослаблены, как бы ни хотелось «выпустить пар». Будет трудно, но надо перетерпеть эти двадцать-тридцать лет, дальше будет уж легче – когда войдет в жизнь новое поколение, не знающее слова «мое».

Очень жаль, что я этого не увижу. Я не знаю – те, кто устроил надо мной судилище, действовали из потакания собственному мещанству, или как сознательные враги. Пусть это квалифицируют те, кому положено. Но эти современные «клопы» – «за что воевали! Желаем, чтоб теперь мой дом – это полная чаша!» – оправдывают свои поступки тем, что «линия партии позволяет» и даже «товарищ Сталин ничего против не сказал». Я обращаюсь к вам, товарищ Сталин, как коммунист к коммунисту – дайте этому гнусному явлению верную коммунистическую оценку! Иначе коммунизм будет побит обывательским болотом.

Умираю коммунистом. Не из-за трусости, а потому что не вижу своей жизни вне партии. О.А. Нелин.

(Резолюция на документе: Тов. Пономаренко! Внести предложения, что с такими делать.)

Лючия Смоленцева (Винченцо)

Я считаю себя русской коммунисткой. Но и остаюсь итальянской католичкой. В Москве еженедельно хожу на исповедь к отцу Серджио, послу Святого престола в СССР – я знаю его с весны сорок четвертого года, когда он был легатом церкви на территории красных гарибальдийских бригад и сыграл очень большую роль в том, что я стала женой моего рыцаря, лучшего из всех мужчин. Теперь же отец Серджио милостливо согласился принять обязанности моего духовника. А так как о многих конкретных вещах я говорить не могу, подписку давала (и надеюсь, Господь меня простит, ведь в сокрытом мной нет зла), то беседуем мы обычно на общие темы. Например, обсуждаем сходство между коммунизмом и прочими религиями.

– Если принять, что коммунизм как вера, – говорю я, – во главе всего вера в рай, только земной, который надлежит нам самим построить. Именем этой веры правят ее служители, то есть партия – они, и только они решают, что по вере правильно, а что есть ересь. Которая вовсе не чужая вера, а извращение веры своей. Если и та инквизиция с еретиками боролась – но не с мусульманами, например, это уже не в ее компетенции было. Так и Нелин – это коммунистический еретик! Придумал собственную ересь по отношению к утвержденной коммунистической вере – и показал себя еретиком закоренелым, упорствующим, не желающим раскаяться и признать свою неправоту, когда Аня, представитель инквизиции, высший авторитет в вопросе веры в том месте и в тот момент, прямо указала ему на ошибочность его мнения. Тогда инквизитор должен, с печалью в сердце, квалифицировать степень ереси как безнадежную, изгнать еретика из своей веры и церкви и передавать светским властям для последующего наказания. Что и было сделано.

– Позвольте уж, товарищ Смоленцева, адвокатом дьявола побыть, – усмехнулся Пономаренко. – «Капитал» – это, значит, как Святое Писание, ну а кто отступит, того на костер? Что девять лет назад в Ватикане Муссолини сожгли, это ладно – но тогда выходит, «не смей свое суждение иметь»? А это линии партии никак не соответствует!

– Неправильно! – говорю я. – Во-первых, бездумное поклонение книге, а не слову служителя, – это не католический Святой престол, а протестанты: у них заведено, что правда не в проповеди священника, а в том, что было написано в Библии две тысячи лет назад – в других совсем условиях, вне контекста, зато прочесть может каждый сам, без посредника-церкви. А католическая церковь оказалась более гибкой, поскольку служители все же под время и место подстраивались, в этом ее преимущество. Во-вторых, наказанию подлежит не слово, а дело. То есть спорить не возбраняется, ведь даже в самое средневековое святая инквизиция диспуты как таковые не запрещала. Но делом вредить нельзя – чем Нелин и занимался!

– Положим, инквизиция и за книги жгла. Или за слова перед людьми.

– А слово становится делом, когда не на диспуте истину ищут в узком круге своих, а толпу призывают к чему-то. Пока церковь не одобрено – нельзя!

– Так это демократический централизм выходит, как в уставе партии, – заметил Пономаренко, – обсуждение между своими, принятие общего решения, а когда приняли, то следовать ему, не отклоняясь. Ну а кто не послушает, того на костер, с пастырским напутствием и любовью.

– Именно так! – поддержал меня мой муж. – «Линия партии устарела» – да кто он такой, чтоб о том судить? Даже на войне инициатива нужна, когда не противоречит прямому приказу. Я бы вообще выкинул этого Нелина из партии с формулировкой «за глупость, как безнадежного идиота», как Маркс кого-то там, из Первого Интернационала. Если образования и ума нет, так и нечего пытаться свое родить, вместо того чтоб поступать по уставу. Воля, характер, идейность – это все хорошо, но к ним в дополнение и мозги надо иметь!

У меня на душе покой – и нет сомнений. Я взяла от веры – веру в то, что мир, в котором я живу, справедлив, красив и гармоничен – а если это где-то в чем-то не так, то исключительно по воле Творца, высшего замысла которого мы просто не видим. А от идеи – стремление построить эту гармонию здесь, на земле, и если не сейчас, то в обозримом будущем. Страна мечты – это не сказка, а быль. В моем понимании, все люди – равны и не равны, одновременно. Равны в том, что Творец каждому от рождения вложил свою искру, которую можно и должно разжигать. А не равны – в том, что этот высший дар кто-то сбережет, поддержит и разовьет, на счастье и себе, и людям, а кто-то пренебрежет, или распорядится во зло. И мне рассказывали, что Ленин, самый первый из русских

коммунистических вождей, сказал: «Наша цель – обеспечить трудящимся высокий уровень жизни? Нет, это и капиталисты дать могут. Наша цель – обеспечить каждому полное развитие его духовных, умственных и физических способностей, в меру его таланта». Не ручаюсь за точность цитаты, но смысл был такой.

И советские в этом преуспели. Когда мы с Анной были в Ленинграде, моя подруга и наставница на Невском проспекте обратила мое внимание на красивое здание с башней, рядом с Гостиным двором.

– Бывшая Государственная дума, это как парламент был еще при царе. А вот там, позади башни – музыкальная школа, хотели меня туда отдать учиться, но слуха не оказалось. Эту школу для талантливых детей открыли в 1918 году по просьбе питерских рабочих. Она не закрывалась даже в блокаду.

А я вспоминаю, как моя мама, работая прислужой в Риме, покупала мне книжки – каждый раз выбирая между ними и лишней булкой, или куском сыра, или бутылкой молока! Маркс прав – что для капиталиста идеальными работниками были бы придатки к машинам, чапековские «роботы», а не люди; образование им нужно лишь столько, чтобы выполняли работу (и лучше – меньше, дешевле будет платить). А в СССР я видела, как людей всячески побуждали получать образование, заниматься в каких-то кружках – понятно, что иные из них были важны для армии: как водить машину, нырять с аквалангом, метко стрелять, знать радиodelo. А к чему тогда отнести организованные походы рабочих с заводов в театры, экскурсии в музеи? Не говоря уже о том, что само образование тут очень доступно!

У нас в Италии человек из низшего сословия не мог и мечтать поступить в университет. Не только из-за того, что на него бы смотрели там как на плебея – но и потому, что у него не было денег заплатить за обучение. В СССР высшее образование пока что не бесплатно, но стоимость его (за год) меньше месячного заработка рабочего. И существуют многочисленные льготы, как, например, полная отмена платы для награжденных орденами и медалями (а таких среди советских мужчин после войны немало), или половинный размер для отслуживших в армии или отработавших после школы на производстве[8 - К сожалению, альт-ист.]. В целом же жизнь в СССР организована так, что каждый может развить свой талант, имея к тому желание. Что это, как не высшая справедливость?

– Так принципы не нами придуманы, – поддержал меня Валя Кунцевич. – Так же, как республику в Древней Греции изобрели. В церкви высший авторитет – это папа, или патриарх, а в партии вождь – товарищ Сталин. За ним идут архиепископы, или члены ЦК, ну как вы, Петр Кондратьич. Ниже – уже главноответственные на местах. И вниз по иерархии. Не может же любой мирянин веру толковать – зачем тогда священнослужители нужны? Так же, как в армии, – прав был Суворов, что «каждый солдат должен знать свой маневр», а не быть болванчиком, как у Фридриха Прусского, но что бы началось, если бы каждый рядовой командовать пытался? Ты свободу имей – но в пределах своей компетенции и образования. А уж от слов к делам переходить, линию партии извращая – это уже уголовно наказуемый поступок!

– Однако же кое-что он угадал? – спросил Пономаренко. – Про то, что через сорок лет случится. Значит, не такой уж и дурак.

– Так еще хуже: не дурак, а хунвейбин, – сказал Валя. – Перестройка – это страшно, только Пол Пот еще хуже. Уж лучше тогда наши девяностые – по крайней мере, три восьмых населения мотыгами насмерть не забьют. Нет, такие бешеные, как Нелин, тоже нужны – но на коротком поводке. А если сорвался – то извините, такого пристрелить проще, чем вразумить. Пассионарий, блин – это как раз и есть то, что в этнологии называется «пассионарным перегревом».

– Ну, хунвейбины были скорее «суб», – задумчиво произнес Пономаренко, – сродни нашим черносотенцам. Бей, громи, можно. Когда власть или вождь позволяют. Но такие, как Нелин, действительно проблемой могут стать. Если их много. Кстати, вы для них предатели и оппортунисты – у которых не примат общего над личным, а по справедливости, наравне, «как все ко мне, так и я ко всем» – знаю, что в свое время вы так привыкли. В войну это не так заметно было, мобилизовываться вы не разучились еще, ну а в мирное началось. Еще, для вас революция и Гражданская – это давняя история, ну а у нас многие товарищи живую зверства «их высокородий» видели, и слова «Красная империя» для них как такая же тряпка для быка. Это ведь истина, что белое офицерье творило – колчаковцы «партизанские» деревни жгли так же, как немцы Хатынь. И сами старались, и под руку с японцами, а ваш «великий полярный исследователь» на полном серьезе пытался своим ближним сподвижникам в крепостничество земли, деревни и крестьян раздавать, это в Сибири-то, где крепостного права и при царях не ведали. И нэп тоже все помнят – что он не потому умер, что его Сталин волюнтаристски отменил, а потому, что не обеспечил решение задачи, экономический подъем страны, выходило помаленьку да понемножку, и страшно

подумать, что было бы с бухаринскими ситцами и кулаком, да в сорок первый год.

– Можно представить! – сказал Валя. – Читал я какую-то книжонку в девяностые. Ситец, кулаки, аграрная страна – и немцы доходят до Поволжья, а дальше тоже вязнут. И тяжелейшая война на измор, а году, кажется, в сорок восьмом американцы сбрасывают атомную бомбу на Берлин, высаживаются в Европе и устанавливают всеобщую демократию. Мечта либераста, «вот жили бы мы как в ФРГ», не понимая, что если бы гансы не нужны бы были Америке как противовес СССР, то получили бы не экономическое чудо, а план Моргенау. И нас бы то же самое ждало при любом формате союзной победы. Так что в итоге получили бы то, что в Китае сейчас. Нет у нас в этом мире друзей, кто бы нас вытянул, если сами слабину дадим. Это лишь мы там могли тех же китайцев тянуть на своем горбу, и то, что получили взамен?

– Так в итоге что вы можете предложить?

– А что предлагать, сказано верно, – тут Валя взглянул на меня, – вера так вера, не хуже других. Как были страны католические и прочее, ну добавятся к ним еще и коммунистические, всего делов. И пропаганда нужна, чтобы веру разъяснять, ну а кто не слушает и впадет в ересь – с теми по закону. Конечно, задача не быстрая, никак не выйдет кавалерийским наскоком из мозгов выбить. Если у светила нашего будущего, Аркадия Стругацкого, что он с братом на пару напишет про «Понедельник в субботу», искренне ведь, что даже в Новый год отдыхать предосудительно, в отпуск на машине едва ли не криминал, ровно в шесть по трудовому законодательству с работы лишь отрицательные персонажи уходят, и вообще, трудовые будни – это праздники для нас. Ну а народ читал, посмеивался – и по-своему поступал. Любую самую лучшую идею можно довести до абсурда – заставь дурака богу молиться, он ладно бы себе, не жалко, тебе лоб расшибет! Как у Райкина, «чего крутится – привяжите к ноге динамо», где-то на компе должно быть, да вы ведь видели. Я же кому угодно, хоть вам, хоть товарищу Сталину скажу – на одном энтузиазме и сознательности далеко не уедешь, экспериментально установлено нашей историей. И уж совсем поганно, когда энтузиазмом пытаются компенсировать руководящую дурь. Личное и общее должно быть в равновесии, это и называется диалектический подход. А вот разъяснять это массам – ну, в США к девяностым сумели даже внушить, что негры – это очень уважаемые люди.

– Товарищ Кунцевич, вы учиться собираетесь? – спросил Пономаренко. – Кстати, ознакомьтесь и подпишите. Ваше заявление о поступлении в Академию, которое вы забыли подать в установленный срок. Ну, эта беда невелика, место за вами зарезервировано. С осени и приступайте! Без отрыва от прочей работы – у наших прекрасных дам спросите, как они справляются, даже будучи обремененными семьей и детьми.

А как мы справляемся? Святая Бригита, мне ведь сегодня опять придется конспекты добывать – лекций, которые пропустила! И на экзамене в конце семестра знать все без поблажек! С осени пятьдесят первого, уже два курса, мы – Анна, я, мой муж, только Валя Кунцевич злостно уклоняется – учимся в Академии. Прежде это были просто курсы по подготовке сотрудников ВЧК, основанные сразу после русской Гражданской войны – в пятьдесят первом их не только переименовали, но и реорганизовали. Тогда и появился в Академии наш факультет.

– В двадцатые у чекистов, случалось, даже начального образования не было, если из крестьян. Потому первой задачей было дать хоть школьный курс, – объясняла мне Анна, – а сейчас в СССР семилетка обязательна, а сюда учиться фронтовики приходят, с практическим опытом оперативно-следственной работы. Ну, а если и попадется кто необразованный, для таких есть подготовительный факультет.

– Но даже в наше время, в будущем, готовили лишь контрразведчиков, оперсостав, переводчиков, технических специалистов, – дополнил слова Анны мой муж, – а такого факультета не было, это уже Пономаренко заслуга.

Политический факультет. Все для стабилизации своей власти и дестабилизации враждебной! Как осуществить революцию простую, или «бархатную», как это назовут в будущем, или «ползучую» (прототип второй из названных, термин товарища Грамши) – как «раскачивать лодку», нагнетая общественное мнение, грамотно вести пропаганду, проталкивать нужных политиков, вступать в политические союзы и, конечно, сочетать легальную деятельность с тайной, вплоть до террора, убийств. Соответственно – как грамотно играть на стороне власти, пресекая подобную деятельность противника. Как учитывать местные особенности – классовый состав населения, его религию, обычаи, экономику. Проведение избирательной кампании «своего» кандидата и срыв таковой у противника. Ну и контроль в спокойное время – отслеживание общественного мнения, выявление причин недовольства, персоналий, организации. Работа с

различными «общественными объединениями», как направлять их деятельность мягко, но ненавязчиво, в нужную сторону. И непосредственно подрывная деятельность – у любого общества есть свои болевые точки, в массовой психологии, социальной сфере, экономике. Любая, самая лучшая идея может быть доведена даже не до абсурда, а до своей противоположности – русский великий химик Менделеев говорил: «Не бывает вредных веществ, бывают вредные концентрации». К примеру, американцы стремятся к свободе, это альфа и омега их представлений о правильном устройстве общества. Что же, это прекрасно – результатом вдумчивой работы может стать резкое противопоставление представлений о свободе в разных социальных и территориальных группах населения. Или – противостояние отдельных штатов и федерального правительства. Или отказ некоторых социальных групп под флагом личной свободы от исполнения своих обязательств перед обществом. Конечно, для реализации таких задач нужно время – и очень хорошие знания по психологии, индивидуальной и массовой, истории, музыке, медицине, страноведению. И все это тоже нам преподавалось!

Музыка тут при чем? Вот не знаю – но кто-то из ученых считает, что басовые ритмы, точнее низкие частоты, снижают активность коры головного мозга. Так что внедрение и продвижение соответствующей музыки может нанести недружественной стране куда больший урон, чем дивизия террористов. А если сделать частью молодежной моды потребление легких наркотиков, той же марихуаны, то в долгосрочном плане это может нанести больший вред, чем проигрыш противником немаленькой войны. В общем, современное воплощение древнего римского принципа «Разделяй и властвуй».

– Это было сильной стороной нашей партии большевиков, – говорил нам преподаватель, – когда эсэры замыкались на терроре, а меньшевики и прочие буржуазные партии на парламентаризме, именно большевики развивали комплексную программу. Даже враги говорили, что «большевистская пропаганда – главное их оружие». Ленин еще до революции 1905 года учил «не увлекаться лозунгами, не брезговать и малыми делами, повышающими авторитет партии в глазах масс». Ну, а его труд «Задачи отрядов революционной армии», написанный в девятьсот пятом на злобу дня, мы вчера подробно разбирали. Наша победа в Октябре не была случайностью. В Петрограде, всего за три дня до штурма Зимнего, контрреволюция пыталась организовать казачий крестный ход – который должен был перерасти в погром «безбожников», засевших в Советах под руководством «германского шпиона» Ленина. Заплатили атаманам, выдали водку рядовым станичникам, проинструктировали полковых попов. Казачьи полки должны были идти в

полном вооружении, верхом, даже с артиллерией! Все было готово к шабашу – конечно, казаков было мало, в сравнении с численностью питерских рабочих, солдат запасных полков и матросов Балтфлота – но это были фронтовые части с боевым опытом и религиозным фанатизмом; надо было знать тех, дореволюционных казаков, их усердие в вере, чтоб понять, каково было большевистским агитаторам, посланным в казачьи казармы. Однако это удалось – казаки против революции не выступили. И мы победили!

Анна рассказывала мне, чем они занимались на Севере, обеспечивая информационную дымовую завесу вокруг подлодки из будущего. Как кормили американца мистера Эрла дезинформацией[9 - См. «Днепровский вал».], и про операцию «Русские женщины – это наше национальное достояние», против падких на развлечение морячков с союзных торгашей. А что мы делали в Киеве (тоже ведь была пропагандистская война) и в Ленинграде в пятидесятом?

– Ваши таланты – это хорошо! – сказал Пономаренко. – Но система всегда будет лучше кустарщины. И как напишет ваш приятель товарищ Стругацкий, «долго внушать голодному, что он сыт, нельзя, не выдерживает психика». Вообще диалектика выходит: тактические вопросы решить можно «пожарной командой», а чтоб всерьез и надолго, нужна правильная стратегия и ресурс – которые без должного умения станут пустой тратой материала.

Факультет уже получил среди своих целых два неофициальных названия – «мадридский двор» и «иезуиты». Студенты – как бывшие «песцы» Северного флота, или ребята, на фронте служившие в СМЕРШ, так и девушки из наших училищ. Война осиротила многих – и если для мальчиков, оставшихся без родителей, учреждены (как и в иной истории) суворовские и нахимовские училища, то здесь придумали и для девочек-сирот особые школы ввести. И те из них, что в Москве и Ленинграде, находятся под особым патронажем «инквизиции» – а официально, нашего РИМа, Дома русско-итальянской моды (безобидная вывеска, ну а что за ней, посторонним знать не обязательно). И ведь вполне оправданно, что в старших классах воспитанниц обучают помимо прочего и актерскому мастерству – объясняя это для непосвященных тем, что по достижении семнадцатилетия (совершеннолетия, по советскому закону) лучшим из них будет предложена работа манекенщицами в РИМе (а это не только показ мод, но и театр – что позволяет под видом актерских курсов и мальчиков обучать).

Ну, а самым перспективным будет предложено продолжить учиться в Академии. Где будут, кроме социологии и психологии, и чисто боевые дисциплины – исходя из здравого рассуждения, что подобная деятельность вызовет у оппонента большое желание ее пресечь, не стесняясь в средствах. Контрразведывательная и диверсионная подготовка – это не наш профиль, но знать ее мы обязаны. Физкультура – гимнастика и бег, для разминки, в зале, на стадионе и на природе, бег по пересеченной местности «волчьим шагом», или совсем новое – с психорегуляцией, когда группой бежишь долго-долго и не устаешь[10 – «Медитативный бег», Питер, конец восьмидесятых. Кто у Валеры Швецова занимался, летом Комарово, зимой Шувалово, откликнетесь автору, буду рад!]. Плавание, рукопашный бой, холодное оружие (как нож, так и, например, палка и нунчаки), стрельба (как в тире, так и при прохождении лабиринта, или дуэль красящими шариками). Причем мы, девушки, приемы отрабатывали и в своей обычной одежде, не только в спортивных костюмах – «а мало ли когда вам придется». Хороших платьев было жалко – и мы шили тренировочные, такого же фасона (приталенное, юбка-клеш), но из толстой ткани и с застежкой спереди до низа (мой муж, увидев, сказал, «стиль сафари» – после как-то вышло, что и на улице я стала замечать женщин, так одетых). Нас учили быстро выхватить оружие и сразу стрелять, с бедра, не целясь (и даже руку за спину заложив и ствол из-под левого локтя выставив – конечно, так лишь совсем накоротке). Инне с первого курса это умение и на практике применить случилось, когда ее поздно вечером пытались ограбить, так было – две пули и два трупа, и поскольку личности были быстро опознаны как рецидивисты, по наколкам и отпечаткам пальцев, то от милиции к нашей Инночке была лишь претензия: «Зачем в головы стреляла, нам они для допроса были бы полезны». Так напугалась сильно – тогда действовала на автомате, а после чуть со страху в обморок не упала. «Это как же, если учили тебя в скоротечных огневых контактах бить в корпус – а попала одному в лоб, второму в висок, а если бы мимо? Ну, повезло тебе». Хотя вспоминаю, как в Киеве в сорок четвертом, когда бандеровцы меня и Анну хотели убить, и мне страшно до ужаса стало, уже когда завершилось все и трупы выносили.

И партийно-политическое воспитание! Пономаренко сказал – если его упустить, то при успехе проекта получим страшное: беспринципных авантюристов, профессионально обученных брать власть. Нам только кадры будущей перестройки готовить не хватает! Что также подразумевает процесс творческий – слышала я, что в будущем изучение марксизма-ленинизма было поставлено так, что вызывало лишь отвращение. А нам искренне верящие в успех коммунизма нужны!

– Кадровый резерв даже не для партии, а для высшего руководства, – сказала Анна. – Те, кто завтра, возможно, на самые высокие посты.

Это – путь к власти? И я когда-нибудь стану, как Анна – как бы ее ранг на итальянский перевести: чуть ниже министерского? Но еще я научилась, от Анны же, что власть – это не только и не столько права и пряники, сколько ответственность и тяжкая ноша. И дело тут не только в том, что в случае ошибки последует кара (ну а в случае, когда кто-то умышленно решит своим долгом пренебречь, то, как сказал Пономаренко, лучше этому гражданину сразу застрелиться). Но и в том, что я заглянула в будущее – и мне стало до ужаса страшно.

Там, в реальности двадцать первого века, под маской так называемой «толерантности» процветают самые гнусные пороки! Европейские города заполнили толпы грязных дикарей (я вовсе не расистка – но ведь есть разница между человеком, стремящимся к культуре, и тем, кто сознательно не желает подняться выше обезьяны?). Семьи объявлены пережитком. Дети мечтают стать бандитами и проститутками. Святые отцы – педофилы. Уголовные преступники – депутаты парламента. И продается, и покупается – абсолютно все (о святая Лаура, я вовсе не монашка и не аскет – но надо же и меру знать, нельзя измерять человека исключительно кошельком!).

И если тот мир одержит победу и здесь, в этой истории, это будет проигрыш не только Советов, но и моей Италии. Не только коммунизма, но и веры (значит, мир не справедлив, не гармоничен, и Творец отвернулся от него). Может, я говорю ересь, как с точки зрения коммунистической идеи, так и Святой Церкви? Но я так вижу картину – и не умею иначе.

И я пока не сделала ничего, чтобы отвратить торжество сатаны! Я не совершала подвигов, которые мне приписывают – это лишь в советско-итальянском фильме «Битва за Рим», о событиях сорок четвертого года, где меня играет некая Софи Шиколоне (еще не ставшая Лорен), я просто ангел мщения, убивающая немцев сотнями (мой муж сказал, «как Терминатор») и причастная решительно ко всем славным событиям! А ведь я еще не была партизанкой, когда повстречалась в Риме с моим рыцарем, он не отбивал меня от банды пьяных эсэсовцев в римском кафе, я не присутствовала с ним на исторической встрече в Ватикане, не высаживалась с подводной лодки на остров Санто-Стефания, спасти его святейшество из немецкой тюрьмы! И в поезде Гитлера не я спасла жизнь своему мужу, а он из-за меня там едва не погиб! Лишь наше венчание в соборе

Святого Петра, по королевской церемонии, проводимое самим папой, было как в фильме (и даже платье у меня такое же). Но что в реальности, а не в кино я совершила полезного – кроме того, что в Киеве тогда застрелила двух бандеровских убийц? Даже не думая, что делаю, а лишь на автомате, «как учили» – а после был жуткий страх.

– Вы живые, они мертвы, – ответил мне муж, когда я рассказала ему, что чувствовала тогда, – а прочее неважно.

Я изнуряла себя тренировкой – готовясь к священному бою Света против Тьмы. Хорошо, что мой муж отнесся к этому с полным пониманием, сказав: а вдруг мне самой придется защищать свою жизнь? И он учил меня всему, что умел сам (хотя до его таланта мне далеко): стрельба из самого различного оружия, на скорость, из неудобного положения, по быстро движущимся и внезапно появляющимся мишеням, рукопашка, нож, бой в лесу, в здании, плавание и ныряние с аквалангом (до десяти метров – глубже мне было запрещено, «норматив для матросов-срочников, а ниже уже особенности есть»). Конечно, я всегда буду слабее противника-мужчины – но мой муж сказал, у меня отличная скорость и ловкость движений, «а при правильной технике большая сила и не нужна». Я тренировалась, мечтая, что буду прикрывать спину своему рыцарю. А он категорически отказывался даже слышать – чтобы я с ним вместе, и в бой! И до сих пор думает, что я не знаю, как он четыре года назад в Ташкенте чуть не погиб – мне после рассказывал про обычную командировку. А у меня чуть сердце не разорвалось, когда я узнала от... Нет, выдавать не стану – у женщин тоже есть свои секреты!

Я все-таки уговорила его позволить мне прыгнуть с парашютом. И поняла, насколько он боится – он, не страшщийся абсолютно ничего! – что я как-то пострадаю! Он заставил меня пройти весь курс подготовки со всем тщанием – после медосмотра, признавшего меня абсолютно здоровой. Сначала был даже не самолет, а кусок кабины с люком, стоящий на козлах, чтобы научиться выпрыгивать правильно – упереться в края руками и ногами, затем резко оттолкнуться, максимально вперед, не коснувшись плечом края люка (иначе тебя может закрутить в прыжке). После меня подвесили на стропах в полуметре над землей, чтобы я научилась, за что тянуть, управляя куполом. Затем я спрыгивала с помоста (где-то с высоты моего роста), учась правильно приземляться, сразу на обе ноги, сведенные вместе, и падать на бок. Я выучила действия при нештатных ситуациях – если не отделится вытяжной фал, если основной парашют не раскроется, если тебя навалит на чужой купол (ногами

пробежаться по нему в сторону), если тебя несет на крышу или стену дома (так же успеть пробежаться, пока твой купол не погас), и множество других случаев. А когда настал тот день, мой рыцарь лично проконтролировал укладку моих парашютов, основного и запасного, был в самолете рядом, сам прикрепил мне фал, и был за выпускающего, когда я прыгала. Было ли мне страшно тогда – нет, я абсолютно доверяла, что он сделал все, как если бы прыгал сам, ну а мне лишь лететь до земли! Самолет был Ан-2, условия самые простые – день, отличная видимость, почти безветрие, высота шестьсот метров, внизу ровное поле от горизонта до горизонта. И я оттолкнулась, как учили (не дожидаясь пинка или затрещины, которыми, как я слышала, инструктора выталкивают замешкавшихся новичков). «Пятьсот один, пятьсот два, пятьсот три», – рывок, и надо мной раскрывается купол, все было так, как мне рассказывали – а дальше лишь разворачиваться по ветру и смотреть, куда несет. И когда я приземлилась, то, к моему удивлению, мой рыцарь уже ждал меня там – после он сказал мне, что прыгал последним, как положено, но без фала, «чуть затяжным», и обогнал всех. А после в автобусе мы все (кроме меня и мужа прыгали еще шестеро) дружно пели «белый купол», и по рукам ходила фляжка – я, конечно, лишь пригубила.

Второй прыжок был труднее. И отчего-то было страшнее. Но я все же прыгнула – и полетела не вниз, а вслед за самолетом, болтаясь на фале! Дернуть за кольцо – нельзя, можно и себя, и самолет погубить!

Мой муж, стоя в люке, показал мне стропорез. Я кивнула, но вряд ли он мог это заметить. Он ударил по натянутому фалу, и я освободилась. «Пятьсот один, пятьсот два, пятьсот три», – и надо дергать кольцо, ведь принудительного раскрытия уже нет. Приземлилась нормально. Причиной происшествия было (к этому выводу пришла «комиссия по расследованию», тут же собранная на аэродроме), что вытяжной фал должен сначала оборвать некую предохранительную деталь внутри ранца, и лишь затем выводить парашют – считается, что веса парашютиста достаточно, чтобы развить требуемое усилие, но я оказалась слишком легкой! А надо было прыгать третий раз!

Для чего? Как сказал мой муж, значок парашютиста дают не за один, а за три прыжка, не просто так. Первый, на адреналине, легкий. Второй – там бывает по-настоящему страшно. Ну а третий – как показывает опыт, кто на него решился, тот так же легко прыгнет и в четвертый, и в десятый, и в сотый – без разницы.

– Нет, вы можете отказаться, товарищ Смоленцева!

Отказаться? Тогда выйдет, что и первые два раза будут напрасны, раз они «не в счет»? Да, было страшно. Но победа над собой – столь же важная победа. Так появился у меня значок с парашютиком – которым я горжусь не меньше, чем орденом Святого Сильвестра, полученным из рук самого папы за участие в поимке Гитлера. Ну а мой рыцарь хорошо знает, как погасить мое недовольство – вот отчего стоит ему меня коснуться, и я могу думать лишь об одном?

В сорок пятом у меня родились Петя и Анечка. В феврале пятьдесят первого – снова двойня, Сережа и Марк. Как я совмещала семью с тренировками и работой? Благодаря нашей «домоправительнице» Марье Степановне, приставленной от Пономаренко ко мне и Анне, двум нашим домработницам, тете Паша и тете Даше, и воспитательницам из детского сада, что находится в нашем же доме на первом этаже – и они часто сами утром забирали детей, а вечером приводили обратно. Ну и еще мы использовали «адмресурс», как выразился Пономаренко, привлекая в помощь девушек из упомянутых мной школ. Наш кадровый резерв, а еще (слова Анны) будущий клуб образцовых советских жен, которые уж точно не станут такими, как некая Боннэр! Их отчего-то «смолянками» зовут – знаю, что так было при царе!

– Смоленцевки, – поправила меня Анна. – Прости, Люся, но придется тебе быть на виду одной за нас двоих, я к известности точно не стремлюсь. И неужели тебе не нравится быть экспонатом истории? Кто у нас звезда киноэкрана, кандидатка в итальянские королевы и лицо «русско-итальянской моды», с фотографиями что в «Комсомолочке», что в ленинградском «Силуэте», прямо как у Ильфа и Петрова дочь Вандербильда? Ну а кто-то сокращает и до «смолянок», кому привычнее – ведь с тех пор и сорока лет не прошло.

И добавила с улыбкой:

– А иные, как наш Валя, наших девушек «лючиями» называют. Или ты не знала?

Что, серьезно? Я уже на улицу не выхожу, лицо вуалью не прикрыв – а то оглядываются, узнают! Даже когда с детьми гуляю, возле нашего дома. Поскольку детям свежий воздух нужен и движение, так врачи говорят. А я хочу, чтобы у моих детей было идеальное здоровье. Петя и Аня большие уже, прошлой осенью в школу пошли в первый класс, да и младшие из коляски выросли, ножками бегают. Дома я (с помощью Марьи Степановны и домработниц) справляюсь, ну а на прогулке иногда приходится кого-то из девушек просить на

обед приехать и заодно помочь за нашим «детским садом» уследить: у меня четверо, у Ани трое, – а вдруг потеряются, разобьются, под машину попадут? Святая Мария, это выходит, что у меня уже и прислуга есть, как у какой-нибудь графини или герцогини? А как это с советскими принципами сочетается?

– Нормально сочетается, – ответила мне Анна. – Как, например, есть в Советской Армии такой генерал Петров, дважды Герой, важный пост сейчас занимает. А так как ранен был и обеих рук у него нет, то трое солдат-ординарцев при нем, для obsługi. Так и мы с тобой, Люся, пока важным делом занимаемся для советского государства, то и СССР заинтересован, чтобы нас домашние хлопоты не отвлекали. Есть особый приказ, что мы имеем право воспитанниц для стажировки привлекать – так что пользуйся!

Стараюсь не злоупотреблять – а лишь когда Марья Степановна с тетей Пашей и тетей Дашей справиться не могут. Мечтала когда-то в университет попасть, глядя на веселую и беззаботную жизнь римских студентов – а у меня сейчас минуты лишней нет! Кроме учебы и тренировок, еще и работа в Риме – как заметил Пономаренко, в той истории мы свой советский стиль не создали, бездарно все возможности упустив, а это задача важнейшая, и в плане изживания у наших людей низкопоклонства перед западом и пропаганды советского образа жизни; а кроме того, есть идея провести отслеживание общественного мнения, «социологический эксперимент», а попросту – новые веяния моды как быстро будут распространяться и в каких общественных группах? Даже детям своим приходится тепло урывками отдавать. И попробуй объяснить это девчонкам, когда они видят на обложке, как я, нарядная, позирую, открывая дверцу «Победы»-кабриолета! После чего эти открытые «Победы» в России стали «лючиями» называть – забыв, что это имя предполагалось дать «Победам» итальянского выпуска. Нет у меня собственного автомобиля, хотя водить я обучена и по деньгам могу себе позволить – но зачем, если за мной всегда казенная машина заезжает? А как бы я в широкополой шляпке села в открытую машину, где даже шелковый шарф с головы сдувает? Однако фотография получилась эффектная. Перепечатанная и за границей, и не только в Италии, но и во Франции и США – как ответ на утверждения их газетеров, что в Советском Союзе женщины ходят исключительно в валенках и ватниках.

Звезда экрана – это преувеличение. Пока что я в кино снялась всего дважды. Первым был «Иван-тюльпан», где я Жерара Филипа в плен беру, мы с ним на шпагах сражаемся, а после катаемся по лесу верхом на медведях – по секрету

скажу, это лошадки были, на которых нацепляли попоны, как шкуры, и медвежьи морды, только чтоб лап в кадре было не видно. А во втором фильме мы с Анной вместе были. Товарищи с киностудии считают, что у меня есть актерский талант – так что хотелось бы продолжить. А то даже обидно, что в русском фильме «Молодая гвардия» Любу Шевцову сыграла сама Люба Шевцова (в этой истории Краснодон был освобожден еще в декабре, так что молодогвардейцы все живые – а Сергей Тюленин так и вовсе под командой у моего мужа служит), ну а в «Битве за Рим» вместо меня какая-то Софи! Хотя мой рыцарь говорит, что я красивее ее и двигаюсь гораздо лучше! Конечно, если она в жизни, а не на экране, никогда не тренировалась, как я, не прыгала с парашютом, не ныряла с аквалангом, не стреляла из всех видов пехотного оружия – русского, немецкого, итальянского. И она, если и звезда, то в самом начале восхода, пока еще даже не Лорен, а Шиколоне! Уж в СССР я точно более известна сейчас, чем она! Это грех гордыни? Было бы грехом – как сказал мне муж, если бы я возгордилась. То есть сочла себя абсолютным совершенством, которому не надо дальше работать над собой.

Хорошо, что лето скоро. И каникулы у нас предусмотрены – может, даже удастся куда-нибудь съездить отдохнуть!

США. Ранчо где-то в Техасе.

Март 1953 г.

Когда-то в Британии, среди высшего общества, был распространен «сельский стиль жизни». Поскольку Лондон викторианских времен был ну очень грязным местом – оттого и любовь англичан к черным зонтикам и одежде, чтоб не была заметна оседающая на ткани жирная копоть, составляющая основной компонент лондонских туманов – и джентльмены предпочитали жить в своих поместьях, приглашая гостей. День проходил в прогулках по свежему воздуху, сдобренных развлечениями, вроде игры в крикет или стрельбы в цель, затем надлежало за обеденным столом оценить искусство хозяйских поваров. И конечно, попутно велись беседы – иногда праздные, а иногда и влекущие за собой принятие в парламенте нового закона, заключение торгового союза или объявление войны. Эпоха таких великосветских раутов завершилась с началом первой Великой войны – после которой очень немногие из британских аристократов могли содержать большие поместья с огромным штатом вышколенных слуг. Но эстафету подхватили за океаном – что стало не по карману английскому герцогу

или графу, было вполне доступно американскому миллиардеру. И конечно, остался главный смысл подобных сборищ – обсудить, оценить и решить, вдали от чужих ушей (особенно репортеров).

– Итак, джентльмены, в наличии две новости, хорошая и плохая, – сказал хозяин, – касающиеся всех нас вместе взятых. Хорошая: наша сборная команда вышла в финал. Плохая: кто проиграет в финале, теряет все. При том что противник очень силен – и это я еще не принимаю в расчет возможные тузы в его рукаве.

– Цифры точные? – спросил второй из присутствующих. – А то, знаете, есть истина, есть ложь, и есть статистика, хе-хе! Русские ведь вполне могли и туману подпустить.

– Мои аналитики стоят денег, что я им плачу, – ответил первый. – Погрешность допускается, но не влияющая на главный вывод. Советы стабильно показывают экономический рост десять процентов в год, и это еще предельно осторожная оценка. Наш же показатель известен. Итог – лет через двадцать русский лагерь сравняется с нами по промышленной мощи и богатству. И дальше пойдет таким же темпом. Не боясь кризиса перепроизводства – этого не будет при советской плановой экономике. Где у нас возникла бы депрессия – русские просто направят избыточный продукт в долгосрочные проекты, великие стройки, развитие науки – да хоть снаряд на Луну запустят, как у месье Жюль Верна. Все это было бы прекрасно – вот только тот мир уже не будет нашим.

– Нет ли тут преувеличения? – спросил третий джентльмен. – Все ж слабо верится в русское вторжение через океан. Как и в то, что кто-то может вытеснить нас с наших традиционных рынков Нового Света, «зоны Монро». А уж в одном из вариантов, предложенных вашими аналитиками, сравнение нас с мелкими хозяйчиками, процветающими до прихода монополий полвека назад – не выдерживает никакой критики, если не прямо оскорбительно. Как вы представляете – распространение русских правил игры в нашей зоне? Не говоря уже о том, что американский дух индивидуализма совершенно не примет советской «колхозной» системы.

– Это одна из версий, – ответил хозяин. – Как пойдут события, когда будет пройдена «точка невозврата». Пропать вроде той, куда уже вот-вот готова рухнуть Британская империя. Вам напомнить, что в начале века кузены были даже больше, чем мы сейчас – признанная всеми первая держава с ведущей

экономикой и мировой валютой. И было лишь одно облачко на ясном небе – превосходство немецких товаров, при их лучшем качестве и дешевой цене, Германия экономически догоняла Британию так же, как сегодня русские – нас. Именно этот факт был главной причиной первой Великой войны – причем англичане оказались в лагере победителей, но это им не помогло. Джентльмены, я не буду повторять основные положения документа, с которыми вы все уже ознакомились. Я лишь констатирую факт, что фитиль под нами зажжен и отмеряет время. Пусть в конце будет даже не катастрофа (хотя и она не исключена), а «мягкая посадка», разница в данном случае не принципиальна.

– Наша экономическая помощь Европе? – спросил второй. – Или Маршалл ошибался, рассчитывая на каждый потраченный доллар получить пять?

– Если бы его план был применен ко всей Европе, – ответил первый джентльмен, – ну, может, кроме ее нищей восточной окраины, Польшу с Румынией можно было и Советам отдать, это не принципиально. Но русские подгребли под себя большую часть, с Германией и Италией. Что остается нам – Франция и Англия, которые все еще трепыхаются, пытаются вести свою игру (та история с биржей показала, что даже лягушатников рано сбрасывать со счетов), Испания, что категорически отказывается идти на политические уступки, желая, вот ужас, самой распоряжаться в своих внутренних делах – лавируя между нами и Советами с Ватиканом. Выходит, что мы в полной мере можем гра... «помощь оказать» лишь мелочи – Бельгии, Голландии, Дании, огрызку Норвегии и Португалии. Этого не хватит для успешного решения наших проблем!

– Все ж верится слабо, – сказал второй, – чтобы русские, и превосходили нас в товарной массе, в удовлетворении потребностей рынка?

– Вот это привезено из СССР, – ответил хозяин, доставая и ставя на стол предметы. – Ничего секретного, продаются в магазинах в Ленинграде и Москве, и, наверное, не только там. Это – транзисторный радиоприемник. Вам напомнить, когда была запатентована сама возможность заменить лампы кристаллами? Телевизор русского производства не привезли, но прошу поверить на слово, они есть, и качеством несколько не хуже наших. Или взгляните на эту фотографию – русские парни ездят по своей тайге и колхозным дорогам вот на этом.

– Похоже на самые первые наши автомобили, – заметил второй. – Мотоциклетное седло на моторе и четыре колеса. А это на «жестяную Лиззи»[11 - Модель «Форд-

Т».] похоже, только ужатую вдвое и открытую. Зачем русским эти недоделки?

– Затем, что они пройдут там, куда даже на джипе не сунуться, – сказал хозяин. – Причем зимой передние колеса могут лыжами заменяться. Или же на все четыре ставят шины-поплавки, тогда это еще и плавает, или ходит по болоту. И стоит гораздо дешевле, чем джип. Такие «квадроциклы», как удалось узнать, у Советов не только в продажу идут, но и в армию. И важно, что русские до самой идеи додумались сами, а не переняли у нас. А как вам вот такая игрушка для взрослых – кубик с разноцветными гранями, которые можно крутить! Попробуйте, джентльмены – и подумайте, какие миллионы заработал бы у нас тот, кто это придумал? И вот это – пластиковая кукла, которую можете купить там в любом киоске. Что в ней революционного, помимо пропорций – не ребенка, а взрослой женщины? Да то, что они делаются в разных образах – и дети будут не играть с одной, раз купили, и рынок затоварен, а требовать от родителей коллекцию собрать, покупать новые. Гениальнейшее маркетинговое решение! И поверьте, таких идей у русских много. Собственных – а не подражание кому-то. У нас на глазах русский медведь сбрасывает шкуру и превращается в кого-то еще более опасного – столь же сильного, но также и быстрого, ловкого, умного.

– А может быть, если известная вам гипотеза справедлива, это влияние тех, из-за Двери?

– Может быть, – сказал хозяин, – но вряд ли решающее. «Короля играет окружение» истинно не только в политике. Если даже и так, то все русское общество оказалось в целом готово принять и подхватить привнесенное. Но тогда – так ли уж важно, что дало первый толчок? А существенно – что русские нас обгоняют. Даже в том, что мы считали своим.

– Я прочел все очень внимательно, – сказал четвертый джентльмен, – но не понял главного: какой вывод? Вы бьете тревогу, но не предлагаете, как потушить пожар. Или это то, о чем я подумал? Действительно, не стоило сейчас писать, что единственным выходом будет новая великая война – по крайней мере, пока в строй не встанет новое поколение, этой войны не видевшее.

– Нет, – ответил первый джентльмен, – война не исключена, но на самый последний выход. Ведь глупо начинать, когда нет полной уверенности в победе – иначе можно кончить как германский неудачник.

– Тогда что остается? – задумчиво произнес второй. – Если причина – это слишком быстрый русский рост, значит, его надо замедлить. Для чего вовсе не обязательна война «горячая» – конкурентная бывает не менее жестока. Только, пожалуйста, не надо авантюры, как три года назад – а ведь я тогда вас предупреждал! Зачем состязаться с противником на его поле в том, в чем он силен? О нет, я вовсе не призываю к пацифизму, военная сила будет нужна, чтоб воспользоваться нашим перевесом, снять плоды победы, но ни в коем случае не для первого сокрушающего удара. Эта китайская война и вызванный ею интерес ко всему восточному... Может, они были и желтые макаки, но с головой – и отлично понимали, что когда враг силен, надо сначала разложить его изнутри, поколебать его веру. Русские не тот противник, кого можно голой силой сломать – а вот то, что они уже больше двух веков, со времен их Петра, равняются на Европу и видят в ней пример для подражания, это уже их слабость!

– Уже нет, – сказал третий, джентльмен лощеного аристократического вида. – Они раскопали Аркаим. И усиленно проводят пропаганду и внутри себя, и вовне. Что «мы не Запад и не Восток, мы Север». Должно быть, Сталин тоже понял то, что заметили вы.

– Но пока они еще не сумели полностью перевернуть свое мышление, – ответил второй, – не говоря уже, что для многочисленного слоя их интеллигенции, то есть наиболее активной части электората, мы по-прежнему являемся образцом. Так что этот факт говорит лишь, что нам надо действовать быстро и решительно. Пропаганда наших ценностей, нашего образа жизни должна стать таким же значимым нашим оружием, как Бомбы! И лично я намерен сделать крупные вложения в Голливуд, раз этот бизнес приобретет в ближайшие годы такой вес...

– Вам не привыкать, – съязвил первый. – Сколько вы заработали на прокате русского «Индианы Джонса»?

– А вы что-то имеете против? – с вызовом ответил второй. – И замечу, что герой фильма – это американский парень Индиана, а не русский Иван! Не знаю, на что надеялись русские, снимая в своих фильмах, и не в одном, а в трех, такого героя – если только не предположить, что гипотеза «из будущего» и в самом деле правда. Кстати, даже в таком случае есть приятное следствие: в том мире Америка существует и не побеждена! По крайней мере, так было в годах семидесятых-восьмидесятых этого столетия.

– Отчего же не раньше? – спросил третий. – А вдруг фильм снят, например, в шестьдесят третьем? А Третья мировая началась через пару лет?

– Я не напрасно плачу своим экспертам, – отрезал второй. – Они просмотрели кадры, всех актеров этих фильмов, включая второстепенные роли. С задачей найти кого-нибудь из живущих сегодня – пусть и постаревшими на десять, двадцать лет. И не только наших – всех, уже сколько-то известных в мире кино. Не обнаружили никого! Зато нашли нечто другое.

И он выложил на стол две пачки фотографий, как колоды карт.

– Это – кадры из русских фильмов про Индиану. А вот это снято уже на местности, моими людьми. Если актеры, игравшие в фильмах, могли еще и не родиться, то места, где велись натурные съемки, вполне могут уже существовать? Так и оказалось: вход в храм Грааля – это сокровищница Эль-Хазне, древний город Петра в Трансиордании. Внутренние интерьеры не соответствуют, очевидно, их снимали в другом месте, но и входа достаточно. Набатейский храм эпохи эллинизма – как видите, изображения храма и даже окружающих скал почти идентичны, что не удивительно: и сам храм целиком вырезан из скалы! Разница лишь вот в этой разрушенной колонне, которая в фильме целая, ну и еще в некоторых мелочах. Эксперты, исследовавшие каждый дюйм изображений, уверены, что это абсолютно одно и то же здание, только в фильме оно показано после реставрации! Возможна, конечно, мастерски точная копия, но зачем? Туристы и археологи посещают сокровищницу довольно давно, еще в 20-х годах рядом был построен отель. Однако никаких съемок фильма и работ по реставрации здесь никогда не проводилось – установлено достоверно!

Далее. Венеция. Вот Гранд-канал. Вот это – собор Санта-Марии де Салюта XVII века. Загадочная библиотека – это церковь Святого Варнавы XVIII века. Кадры совпадают даже во многих деталях, но и здесь никаких съемок русские до войны не проводили, тем более про Индиану Джонса. Хотя вообще в Венеции нередко снимали кино, но делать это тайно, под другим названием, какой в этом смысл? Однако же вывод, джентльмены – если Дверь существует (а теперь вероятность этого существенно возросла), то она ведет в гораздо более позднее время, чем двадцать-тридцать лет вперед. Что оставляет нам надежду.

Допустим, русские хорошо умеют воевать, так уж исторически сложилось. Зато кто в мире сильнее нас в искусстве рекламы, в умении продать даже лед эскимосам или песок бедуинам? Мы должны теперь сделать все, чтобы убедить

электорат соцлагеря в сладости жизни людей свободного мира! Фильмы, радиопропаганда, реклама наших товаров – да что угодно, черт побери! Тем более, это еще и расширит наш рынок.

– Останется лишь убедить в том русских, – ухмыльнулся третий, – чтобы они пустили нас на свою территорию.

– А не вы ли когда-то убеждали нас, что при должных затратах на рекламу можно даже протащить ниггера в Белый дом? – ответил второй. – Учитесь у кузенов, джентльмены! Я не понимаю, каким местом думали ослы в Госдепе, когда в ультимативной форме требовали от Советов не только открыть свои рынки для наших товаров, но и гарантировать их обязательную квоту, «не меньше такой-то доли от всех». Это можно предлагать тем, о кого вы ноги вытираете – а русские пока что от того далеки! И так уж сложилось, джентльмены, что из всех присутствующих мне больше всех довелось общаться с советскими. Так я заметил одну важную особенность: когда на них с нажимом, с угрозами, это их не пугает, а мобилизует – зато наше показное дружелюбие может размягчить. Оттого, если мы не хотим проиграть, то должны категорически отказаться от оскорблений в их адрес, не дразнить медведя, или дракона, да какая разница! Пусть уж этим занимаются маргиналы – но ни в коем случае не наши официальные лица! Тезис, что «славянская раса – это не белая, а более низшая раса», приводит к тому, что нас уже сравнивают с Гитлером, и не коммунистические, а вполне респектабельные европейские газеты. А этот идиот месье Фаньер уже дошел до того, что и у нас в Штатах ищет зараженных коммунистическим зомбовирусом – представляю, как аплодируют этому в Кремле. Высокомерие есть грех, джентльмены, для пользы дела бывает полезно назвать лучшим другом самого грязного и вонючего дикаря.

– Зачем самому мараться? – спросил третий. – Можно поручить своему дворецкому или секретарю. Чтобы он озвучил вашу волю названной вами неуважаемой персоне.

– Я не случайно привел вам пример британцев, – сказал второй. – Газетные передовицы с фотографиями «Мухаммад Идрис принят в Букингемском дворце». Голозадый бандит из ливийской пустыни, пусть самый наглый из тамошних главарей, под которым ходит больше головорезов, чем под прочими, – был принят как монарх цивилизованной державы! Перелет на реактивной «комете» из Каира в Лондон, прием у самой королевы, и маневры британской армии, где перед этим дикарем вывели в поле сотню танков и пару тысяч солдат. Как

думаете, усомнится ли он, с его кругозором, кто в мире самая сильная держава – те, кто его принимали, чью мощь видел он лично, или какие-то русские и итальянцы? Его доставят обратно, на такой же «комете», и подарят кучу оружия, включая десяток легких танков «Стюарт», три десятка броневинов, сотню грузовиков и джипов, а также какое-то барахло лично для него. Взамен даже не попросят об услуге, а искренне удивятся, отчего столь великая фигура еще не правитель суверенной Ливии – которая пока что, по чудовищной несправедливости, принадлежит итальянцам, которых храбрые англичане десять лет назад в тех же песках били, как шакалов, целыми акрами считая итальянских пленных. Что будет дальше, продолжать? Информация точная, даже по части количества и состава подарков – передана моими людьми из Лондона. Вот как надо работать, джентльмены!

– Что ж у тех же кузенов так обломилось в Афганистане? – спросил первый. – Точно так же раздавали деньги и оружие вождям местных дикарей, подбивая их к набегам на советскую территорию. Вот только те, кто послушали, назад не вернулись – после чего благоразумные соседи тотчас разделили меж собой их земли, стада, женщин. Теперь афганцы охотно принимают от англичан дары, но идти через русскую границу не спешат, придумывая самые разные отговорки. Вы уверены, что когда этого Мухаммада убьют, на его место найдется другой – или будет как в Афганистане?

– А нам какая разница? – вмешался четвертый. – Расходы небольшие. Лично мне ливийский проект кузенов кажется очень перспективным – особенно если подтвердится информация о богатстве нефтяных месторождений Киреинаки. Но применительно к Советам? После того, как они успешно подавили партизан в своих западных землях, сделав то, что и немцам в войну не удалось. Может, клопные укусы через границу и нанесут русскому медведю какой-то урон – но вряд ли критический. А скорее, лишь разозлят!

– Отчего же клопы? – удивился второй. – Бациллы и вирусы еще мельче, однако могут свести в могилу самый здоровый организм. Думаю, что внутри советского лагеря можно найти недовольных. Забыл, кто из европейцев, Макиавелли или Борджиа, изрек, что чтобы уничтожить вашего врага, не обязательно нанимать убийцу, а достаточно устроить, чтобы у врага вашего врага под рукой вовремя нож оказался.

– Джентльмены, это все хорошо, но слишком длительно, – заявил первый. – Нам же сейчас крайне необходима информация. Есть ли за столом еще один игрок,

причем с очень сильными картами, или же мы имеем дело с чрезмерным воображением наших экспертов плюс блеф Советов? Я полагаю, что полученный ответ будет стоить даже некоторых потерь, как политических, так и материальных. И если нам действительно представляется такой случай – когда интересующие нас фигуры будут пребывать в нашей относительной досягаемости, то грех будет упустить такой шанс!

– Даже ценой возможной войны с Советами? – спросил второй. – И помнится, вы нечто подобное говорили три года назад, и чем это кончилось, Шанхаем? А в этот раз?

– В самом худшем случае электорат будет недоволен, если еще пара десятков тысяч американских парней вознесутся на небеса в жареном виде, – усмехнулся первый, – но строго говоря, нам-то до того какое дело, мы ведь не собираемся бороться за голоса избирателей, в нашей самой справедливой политической системе? Или вы полагаете, что лишь в шахматах оправдана жертва ради последующего выигрыша, или даже просто ради улучшения позиции?

– А вы, простите, себя видите игроком, а не фигурой на доске? – ответил второй. – А если у кого-то на сей счет другое мнение? «Своей крови не прощаем никому» – у советских ведь не было раньше этого правила, у кого они его взяли, уж не у тех ли, кого мы пытаемся вытащить на свет? И если в ответ что-то подобное шанхайскому подарку, даже не на Манхеттен, а нам на головы прилетит? Если мы узнали, где соберутся интересующие нас лица – то думаете, на той стороне не могут аналогично?

– Вам подойдет объяснение: я устал бояться? – сказал первый. – Играть с чувством, что сейчас придет кто-то и вышвырнет из-за стола. Или, если вам ближе шахматы – тринадцать лет назад, отдыхая на Кубе, я имел честь побеседовать с самим Капабланкой. И мне запомнилась его фраза: «Самое неприятное для меня, когда ход противника мне непонятен. Когда я точно знаю, что играю с мастером – и его даже внешне безобидный ход пешкой может означать мат через десять ходов, но я не вижу его замысла, хотя достоверно, что таковой есть». Мы сейчас в таком же положении, джентльмены, пусть вас не успокаивает отсутствие видимых прямых угроз! Советы развернули бурную деятельность, и каждый их ход – это приближение нашего конца, а если мы этого не видим, то тем хуже для нас. Даже в ближней перспективе – как строить бизнес-планы при наличии неопределенности?

– Если Дверь есть, то нам это пока не слишком мешает, – произнес третий. – Если принять за правду, что Джо совместно с теми, или без них, предпочитает мирное, конкурентное состязание, то мы еще не проиграли! И кстати, тогда выходит, что мы ошибались с версией «Лазарев – это аналог нашего Хэллси, отправленный в тысяча восемьсот какой-то год», если русские не считают войну неизбежной?

– «Что было бы, если Нимитца, Хэллси, Спрюэнса, или хоть Одзаву отправить в год 1904-й, при том что там ему дадут карт-бланш и все ресурсы на создание флота – с каким счетом и в чью пользу будет Ютланд», – повторил первый. – Логично тогда, что послали моряка, а не сухопутного, если нацеливались не на эту, а уже на Третью мировую, которая по определению будет прежде всего морской. И если Лазареву по официальной биографии было чуть за сорок, когда он совершал свои подвиги против немцев, то пятьдесят пять, даже шестьдесят – это самый расцвет для главкома. Дальше уже перебор – но считаем, что до 1965 года он вполне на своем месте. Ну, а факт, что Сталин упорно не желает нас допускать до Двери, говорит лишь о том, что ни он, ни его партнеры не допускают возможности с нами договориться. То есть твердо взяли курс на войну. Как это сочетается с их на вид миролюбивой политикой? Да очень просто, джентльмены: если в их плане стоит не нападать самим, а сделать что-то такое, что мы вынуждены будем объявить войну первыми? Альтернативой чему будет наш полный упадок. Нас теснят не стреляя, а когда мы возмущаемся, то... У меня лично стойкое ощущение, что мы сейчас в положении индейцев, подписавших с бледнолицыми очередной договор о вечном мире. Не знаю, как вы, но я устал думать, что, возможно, над нашими головами подвешен топор. Как там было в записке на имя президента: достоверный ответ может быть получен лишь в непосредственной беседе с кем-то из «пришельцев»? Я очень хочу его получить, чтобы дальше жить спокойно!

– Позвольте спросить, а отчего все завязано на одного Лазарева, – спросил второй, – если нам нужен ответ на вопрос, есть Дверь или нет? Ну и картина того мира, в общих чертах. Подойдет любой из членов экипажа субмарины, даже из нижних чинов!

– А вы представляете, как трудно работать в СССР? – ответил первый. – Да, пытались найти не одного Лазарева, я говорил со своим другом из Лэнгли в том числе и об этом. Информация, которая легко может быть получена в любой свободной стране, у Советов требует целой разведывательной операции! Во Франции вы можете просто прийти к тому, кто что-то знает, показать доллары и

задать вопрос – ну а в СССР любой землекоп или грузчик позовет милиционера, и если вы с диппаспортом, то вас вышлют, а если вы нелегал, я искренне вам не позавидую. Составляя список экипажа «моржихи», мы потеряли несколько десятков агентов – большей частью из местных, которых не жалко. Но удалось узнать, что еще в войну экипаж К-25 был разбавлен людьми из этого времени (если гипотеза верна). И все, кого нашим людям удалось найти и побеседовать – например, в качестве журналиста из ГДР, собирающего сведения о подвигах русских подводников, – утверждают, что они именно из таких, добавленных. И называют разные фамилии, говоря о своих сослуживцах – головоломка не сходится, установить, кто есть кто, невозможно.

– У каждого человека есть биография, – сказал второй. – Родители, семья. Школа, где он учился. Дом, где он рос, и соседи, друзья. След, который трудно замести или подделать. И которого не будет у пришельцев. Или – если кого-то из экипажа, пришедших из будущего, сочли более полезным использовать на берегу, то явно не на рядовых должностях? Значит, надо смотреть на карьерный рост, не объяснимый иными причинами.

– Думали и об этом, – ответил первый, – но у русских за последние сорок лет творилось черт знает что! Та война, затем революция, Гражданская – когда все перемешивалось и летело к чертям. Чекистские расстрелы, беспризорщина, детские дома – и «кто был ничем, тот станет всем». Да и последняя война весьма способствовала карьере тех, кто талантлив. Как, например, жена Лазарева – достоверно установлено, что она жила до войны в Ленинграде, отец ее был простым рабочим на верфи, и ее саму у нас бы не взяли даже служанкой в приличный дом. Парни из Лэнгли стараются – но это даже не иголку в стоге сена искать, а булавочную головку в огромной куче крапивы, разбирая голыми руками.

– Я бы еще обратил внимание на некоего Смоленцева, – задумчиво произнес второй, – что-то уж очень ему везет.

– Надо знать русских, с их культом героев, – сказал первый. – Обычный головорез, неплохо обученный, кому сначала поручили папу вытащить. Затем кому-то в Москве при подборе кандидатуры охотников на Гитлера, пришла в голову мысль сделать культовую фигуру. Ну, а Гиммлер в пятидесятом пошел уже довеском. Если нам повезет поймать этого героя при какой-нибудь новой его миссии, то будьте уверены, вопросы ему зададим. Ну а пока Лазарев – единственная фигура, в инаковости которой мы не сомневаемся. Я голосую за то,

чтобы продолжить нашу игру!

– «Своей крови мы не прощаем», – покачал головой второй. – А если вы правы и это правило не Сталина, а тех, кто за Дверью? Мне еще жить не надоело!

– А разве речь о том идет? – вмешался третий. – Как я понял, предполагается всего лишь нейтрализовать объект. Доставить, получить информацию – ну а после как раз вступить в переговоры, именно с теми, с кем надо, а не с их кремлевской марионеткой.

– И кто ответит при неудаче? – спросил четвертый. – И перед русскими, и перед Конгрессом?

– Коул, заместитель директора ЦРУ, – сказал первый, – в существование Двери не посвящен, но истинный патриот Америки. Знает лишь, что порученная ему миссия чрезвычайно важна для нашей национальной безопасности и при успехе будет столь же щедро вознаграждена. И готов принять, что при провале – он будет ответственным за все. Просит лишь, чтоб даже в этом случае назначили пенсию его семье.

– Тогда принято, – заметил третий, – стоит попробовать. Я за, джентльмены.

– Принято, – сказал четвертый, – стоит попытаться, чем ждать, что проиграем.

– А я воздержусь, – сказал второй. – Как бы не стало, что не только без прибыли, но и не останемся при своих.

Одесса. Привоз.

12 мая 1953 г.

Кто на Привозе не был, тот Одессы не знает.

Место, где официально продается все для народа, от хлеба до ботинок. А неофициально можно купить и продать абсолютно все – конечно, если ты знаешь, к кому обратиться, и к тебе относятся с доверием. При царе, красных,

белых, немцах с румынами, Советской власти и независимой Украине – менялись лишь люди и номенклатура предлагаемых товаров, а сам принцип оставался неизменным. А одесские старожилы утверждают, что суржик, который нередко можно услышать на Привозе, это исключительно местный язык, имеющий с западенским суржи́ком лишь некоторое сходство, не более того (например, нет в языке западенцев слов с греческими или сербскими корнями) – так что Привоз даже на звание микроэтноса может претендовать.

Рассказывают, что году в сорок шестом или сорок седьмом некий селянин здесь пытался продать кому-то танк, «с румын остался, в сарае стоит, хозяйство от лихих людей охранять». Но сначала не сошлись в цене, а затем узнали те, кто надо, примчались и имущество изъяли. Причем хозяин возражал, «что пулеметы закон иметь запрещает – а про танк ничего не сказано». Какая кара в итоге его постигла, история умалчивает – а танк передали на Одесскую киностудию, реквизитом[12 - Автор сам слышал эту историю в Одессе, в конце 80-х. Подтверждений из иных источников не нашел, так что возможно, что и треп.]. В конечном счете между уважаемыми людьми Привоза и Советской властью было достигнуто некое согласие – первые не имеют дела с «политикой», а также опасными товарами вроде оружия и взрывчатки, вторая зарывает глаза на то, в УК именуется мелкой спекуляцией (пресечь полностью которую не то чтоб было бы невозможно, но потребовало бы совершенно дикого расхода ресурсов и напряжения сил – а одесской милиции, УГРО и ОБХС и без того было чем заняться).

Так что матрос с французского парохода «Дюшарм», ставшего на разгрузку в Одесском порту, не привлекал ничьего внимания, неспешно прогуливаясь по Привозу в это утро с большой сумкой в руках. Тут таких персонажей было – и если не нарушаешь порядок, не мешаешь другим, никому ты не интересен. Как и факт, что в некоем месте в обговоренное время к нему подошел интеллигентного вида человек в очках, по виду великовозрастный студент (а вот это была личность в Одессе известная, откликающаяся на прозвище Самуилыч, он числился администратором в ресторане «Южная роза», реально отвечал там за музыкальную часть и славился умением откуда-то доставать свежие записи «не нашей» эстрады). Он быстро переговорил о чем-то с французом – после чего из сумки морячка было извлечено с полдюжины пластинок в конвертах с яркими разноцветными этикетками. Один из конвертов был еще и обернут прозрачной пленкой – фирменная упаковка, свидетельствующая о подлинности и свежести товара.

Матрос вернулся на свой пароход довольный – за пустяковое поручение, что дал ему месье Лапорт, свеженазначенный помощник капитана, никогда прежде не бывший в Одессе, он получит дополнительную плату почти как за весь этот рейс, причем в долларах, а не в обесценивающихся франках. А Самуилыч знал лишь, что пластинку в обертке он должен будет отдать тому, кто придет с условленными словами, ни в коем случае не вскрывая упаковку и не пытаясь проиграть музыку.

И никто из названных лиц не знал, что месье Лапорт (личность совершенно неприметная и в Одессе почти не сходившая на берег) в действительности работал даже не на французское Сюртэ, а на американскую разведку. Ну, а эта пластинка еще сыграет свою роль.

Москва. Коммунальная квартира на Чистых Прудах.

16 мая 1953 г.

Семь часов вечера. Все пришли с работы, толкнутся на кухне, готовя обед.

– А мы скоро в отпуск с мамой поедem, – гордо сказал Санька, вертящийся под ногами у взрослых (скучно в комнате одному сидеть). – На корабле поплывем, по Черному морю.

– Саня! – одернула сына Мария Степановна. – Тебе ж сказано было! Болтун – это...

– Находка для шпиона, – уныло повторил Саня. – Мам, так нет их тут! Американские шпионы – это, ну, как Лешка Пыжик из дома десять – на вид мутные, так и высматривают, чего навредить. Это правда, что они нас больными считают – какой-то вирус вдохнули и стали коммунистами? Ну а тут свои все...

– И мы никому не скажем, – подхватила Катя. – Марь Степановна, а там и сама Смоленцева будет? Расскажите потом?

– Если что увижу, – улыбнулась соседка. – Кому отпуск, а кому работа. Чтоб товарищей Смоленцеву и Лазареву быт не отвлекал от государственных забот.

Они – люди большие и занятые. Ну а я кто – фельдшер без диплома, почти всю жизнь при муже по заставам, сейчас лишь полегче стало жить.

Катя пожала плечами. Прибедняется соседка – и сама еще ничего, для ее возраста, и одевается у самой Смоленцевой (вместе с Анной Лазаревой, которая аж инструктор ЦК КПСС и самому Сталину докладывает). И муж у нее: был командиром-пограничником, теперь в МГБ служит в немалом чине. Так что при расселении ее очередь первая ехать всей семьей в отдельную квартиру. И будет жалко – во-первых, хоть и не высокомерная она, и будет, наверное, искренне приглашать, «заглядывайте», но это все же не то. А во-вторых, еще неизвестно, кто вместо нее в две смежные комнаты въедет – а вдруг какой-нибудь хам и скандалист?

Затем, и думать нечего, Сеню с Людой отселят. Так как Люда зимой родила (и души не чаёт в своем Жорике). И ее благоверный Сенечка даже из института ушел на завод (правда, техником, а не к станку), но говорил, под обещание от предприятия жилплощадь предоставить – а семейным сейчас обычно уже не комнаты дают, а однушки в новостройках (хотя в панельных домах и лифта нет, и потолки низкие, и место часто на самой окраине). Но все же свое жилье, не коммуна – не надо в очередь выстраиваться утром у ванной или туалета, и на кухне решать, кто прежде конфорки займет, а кому подождать с готовкой. И тоже вопрос, кого взамен вселят – наверное, каких-нибудь провинциалов, или вообще деревенских.

Ну, а Вера Матвеевна, наверное, в своей комнате до конца жизни останется. Если жила в этом доме еще с прошлого века (тыща восемьсот какой-то год), не барыней, конечно, прислужой. Муж у нее в Гражданскую сгинул, сына еще перед войной убили на Халхин-Голе, дочь за лейтенанта вышла в мае сорок первого, вместе с ним уехала в Белосток, почти на самой границе, так там вместе и пропали. А она хлопочет, на одну пенсию, раньше еще где-то вахтершей сидела, теперь, говорит, ходить далеко не могу. И соседям рада помочь, чем может, – и мы ей тоже, когда нужно было. Хотя бы и с новыми жильцами она так же ужилась!

Ну а мы с Петенькой... Он хочет, чтобы сын был, придется согласиться! Но лучше так, чтоб лето еще можно было отдохнуть, съездить куда-нибудь. На Рижское взморье, как в пятьдесят первом, вместе с Марией Степановной и ее мужем, майором – который всю дорогу за рулем был, а то «москвич» купили, а Петя водить не умеет! Так что лучше поездом, спокойнее так. Или на теплоходе, по

Волге – как канал прорыли, от Химок можно до Астрахани плыть!

– Но тогда, Петя, мне надо еще раз к Смоленцевой сходить в «Итальянскую моду», а то мне надеть будет нечего! Ну, Петенька, не морщись, я не бриллианты прошу, как всякие там в мире капитала! Разве тебе не приятно, когда я с тобой рядом буду красивой и нарядной, одетой по последней моде?

– А лучше как в кино, – сказала Люда, заглянувшая на кухню, сама в халате и непричесанная – «муж работает, жена красивая». Только там это слова вовсе не положительной героини?

А что плохого? Ведь дважды два всегда четыре, а не пять, кто бы это ни говорил? Как мы раньше жили – во всем нуждаясь, новые туфли купить было событием! Ну а теперь все налаживаться стало, цены снижают каждый год, жить действительно стало лучше – товарищу Сталину спасибо!

И вдруг все это прекратится – если завтра снова война, и придется всем пояса затянуть? Марь Степановна не только «Комсомолочку» приносит прочесть, толстый такой журнал с «русско-итальянскими модами», но и «За рубежом», где пишут, что о наших советских людях думают в мире капитала. «Славянская раса – это не белая раса», а каково в Америке «не белым», это известно еще по довоенному фильму с Орловой. Или про «коммуновирius», вот даже Санек запомнил – что «коммунизм – это заразная болезнь». А раз их власть позволяет такое печатать, значит и сама так думает. Как Гитлер, который тоже ведь когда-то притворялся приятелем и даже пакт заключил! Но товарищ Сталин, выходит, знал, раз мы еще с первых пятилеток к войне готовились? И теперь он тоже говорит, что империализм никогда с самим нашим существованием не смирится! Значит, снова будет война, теперь уже с атомными бомбами! Это пока лишь можно чуть отдохнуть, хорошо пожить! Чтоб, даже если до старости, как Вера Матвеевна, не доживем – было, что вспомнить.

– Петенька! Давай вместе наш бюджет посчитаем. Сколько я завтра могу у Смоленцевой потратить?

Валентин Кунцевич.

Москва, 16 мая 1953 г.

Кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть. И пофиг, кто эти слова говорит у Маяковского! Поскольку именно они соответствуют моему настроению сейчас!

Скоро одиннадцать лет, как мы здесь. Из 2012 года попали в 1942-й, в самое пекло войны. Девять нас было, отряд подводного спецназа СФ, прикомандированный к атомной подводной лодке «Воронеж», – куда после бросала нас судьба, приказ и оперативная обстановка, даже перечислить сложно. Никелевые рудники Петсамо, Невские пороги, Днепровский вал. Варшава, Будапешт, Рим. Зееловские высоты за Одером и охота на фюрера. А был еще ночной абордаж в Атлантике – о котором не расскажу никому и никогда, подписку давал.

В год Победы (в этой реальности сорок четвертый, а не сорок пятый) гуляли мы на этом самом месте – перед тем, как снова разлететься в разные края по делам службы. Ленинские горы над Москвой-рекой, откуда вся столица как на ладони. Были мы тут: наш отец-Адмирал, Юрка со своей итальянкой, я – и она, которая со мной никогда не будет, поскольку не просто «другому отдана», но и искренне того любит. Не догадывается, что я, как краском Иван Варава из неснятого пока здесь фильма «Офицеры» – «Любочка, у меня нет никого кроме вас». Когда меня тут убьют, вдруг я в параллельной реальности воскресну или вселюсь в кого-то, как когда-то в фантастических книжках читал? Хорошо бы в иной год сорок четвертый попасть, до того, как она погибнет, двух недель до освобождения Белоруссии не дожив (и свободная еще). Отобью я ее от фрицев «и будем мы жить долго и счастливо, вместе состаримся и умрем в один день». Тьфу, ну и мысли в голову лезут! Тридцать лет мне (по Кукину), возраст вершины. И пока что я на тренировке, хоть в дуэли, хоть в спарринге, хоть на полосе препятствий, молодым щеглам фору даю. А «молодые» в наших войсках – это минимум год срочной отслужившие «с отличием». Только воевать им уже не пришлось – в строй встали те, кто в Отечественную были еще мальцами.

– Валентин Сергеевич! Что с вами?

Машенька – красавица, комсомолка, спортсменка, а еще сестричка из нашего госпиталя. Когда я спросил из любопытства, как это она с такой легкостью с работы отпрашивается всякий раз, как я за ней заезжаю – время-то сталинское, суровое (хотя даже в реальности за опоздание или прогул в ГУЛАГ не сажают – это было максимальным из предусмотренных наказаний, реально применяемым

редко и против злостных нарушителей трудовой дисциплины, «в запой ушел, три дня на работе не появлялся») – то в осадок выпал, услышав от главврача:

– Вы, товарищ Кунцевич, дважды Герой и были ранены и контужены, исполняя интернациональный долг в народном Китае. А потому пусть вас наша медработник сопровождает, как бы не вышло чего. На то и особое распоряжение есть!

Ранение и контузия были, в самом конце того китайского рейда, когда «мустанги» нашу колонну атаковали, и приложило меня слегка осколком (хорошо, в бронежилете был – отделался легко). Но с тех пор все зажило давно – и сейчас я хоть в космонавты (которых нет пока) или в олимпийскую сборную (если бы позволили, успел бы, хоть в Лондон в сорок восьмом, хоть в Хельсинки в прошлом году). Вот только, Машенька-Мария, как бы ты мне даже при нужде медпомощь оказывала, если в руках у тебя лишь крохотная сумочка и свернутый зонтик, а не докторский саквояж с аптечкой? Знакомы мы с октября пятидесятого, как я после тех китайских приключений лечился – только встречаемся урывками, когда я в Москве, «сто часов вдвоем» – вот крутятся в голове слова песни из иных времен. А в этом мире женщины ждать умеют – грешен, использовал я возможности нашей Конторы в личных целях, чтобы проследить, нет ли у Марии еще кого-то кроме меня, и сомневаюсь, чтобы в веке двадцать первом девушка стала бы ждать так, третий год уже скоро! Хотя «особое распоряжение» догадываюсь кто отдал и зачем – из всех, кто из будущего попали, я последним неокольцованным хожу, и ясно, что лишь проверенной и надежной дозволит к носителю одной из высших тайн СССР подойти. Так, может, и нет никакой любви, а есть приказ, вот вызвали Машеньку куда надо и сказали: «Или поедешь в Магадан лагерной медсестричкой, или совет да любовь и еще регулярные тайные доклады о благонадежности супруга»? Вот потому я окольцеваться и не спешу.

«Продолжается освободительная борьба китайского народа против империалистических агрессоров и их гоминьдановских пособников. Войска Народно-освободительной армии провели успешное наступление в провинции Хубэй...»

Голос из репродуктора. В будущем времени про эти рупоры на столбах забыли давно (хотя где-то они еще висят, для нужд гражданской обороны), а здесь они исправно работают как радиоточки – новости, музыка, и конечно, когда надо народ о чем-то срочно оповестить. Война в Китае, в иной реальности

завершившаяся в сорок девятом, тут идет до сих пор – потому что, разбив японцев в сорок пятом, из Маньчжурии мы не ушли, ее промышленную базу в руки Мао не передавали. И вообще, Маньчжоу-го – это не Китай, а вполне себе государство, признанное СССР еще до сорок пятого – так что сидит в Харбине Пу И «парадным императором», а при нем товарищ Гао Ган, тот самый, что и в нашей реальности предлагал Сталину сделать Маньчжурию союзной республикой СССР, а после волей Мао выгнанный из КПК за «антипартийную деятельность»[13 - Соответствует реальной истории.]. И в Пекине правит товарищ Ван Мин (еще один исключенный ревизионист, в иной истории), а вот Мао в тот самый кризис пятидесятого в Сиани[14 - Центр Освобожденного района Китая, «столица» Мао.] под американскую атомную бомбу попал и через четыре месяца от лучевой болезни помер. Не было в этом мире Хиросимы и Нагасаки, поскольку пиндосы с Бомбой к осени сорок пятого банально не успели (в том числе и по нашей вине – когда уран из Конго до их «Манхеттена» не доехал), зато были Сиань, Шанхайский порт и Синьчжун – все в Китае, год пятидесятый, две американские Бомбы, одна наша. После чего Москва и Вашингтон договорились воевать до последнего китайца, но самим непосредственно не лезть. Так и воюют до сих пор.

– А ведь Китай сейчас – это как наша революция и Гражданская! – говорит Маша, заметив, что я прислушиваюсь, и решив поддержать тему. – И через много лет живущие там при коммунизме будут завидовать тем, кто сейчас историю творит!

Эх, Машенька, твое счастье, что ты войну лишь по агиткам представляешь (твой год рождения тридцать второй, и то папа у тебя под Ржевом погиб, а мать в оккупации сгинула, тебя лишь успели эвакуировать куда-то на Урал). А я вблизи видел: Китай – это как бы у нас Гражданская, где большинство составляли бы не «красные» и «белые», а всякие батьки-атаманы, и затянулась до сорок первого года (да и после не стихла бы). Может, и станет Китай когда-нибудь и тут первой экономикой мира – а сейчас там относительная цивилизация лишь у побережья (Шанхай, как в кино про Индиану Джонса). А материковые провинции – это даже не средневековье, нищета жуткая: там деревянными лопатами землю копают, потому что стальная – это такая же ценность, как в мое время в хозяйстве бензопила или мотоплуг. И Дикий Запад по китайской мерке – это образец законности и порядка, а китайская мечта – это «чтоб вооруженный человек не мог тебя убить просто потому, что ему захотелось». Кто про кровавый и бессмысленный русский бунт писал, тот китайского бунта не видел – когда человеческая жизнь дешевле, чем один патрон, и казнят самыми зверскими способами, самый гуманный из которых – это закапывание заживо (зачем убивать, если после все равно хоронить). Но я тебя, Маша, разубеждать

не буду – не всем же быть злыми циниками вроде меня? Пусть лучше в пресветлом будущем в памяти лишь светлое остается. Или это особенность лишь нашего менталитета – как Куприн (ни разу не большевик) написал «Тост», возвышенный рассказ, «а как бы прекрасно жить в ту великую эпоху», ну а в Китае это проклятие: «Чтоб ты жил в эпоху перемен».

– А Ли Юншен – это, наверное, как китайский Щорс или Чапаев? И ты видел его, и с ним говорил?

Я его и назначил героем – вот только сказать о том права не имею! Если официально американскую авиабазу брал «китайский партизанский отряд», так после надо публике командира предъявить – я и выбрал самого толкового из наших подручных китаез и прямо на месте, своей властью, произвел в капитаны (как в сорок втором под Ленинградом маршал Говоров нашего Ваську Гаврилова из капитанов сразу в подполковники, при штурме Мги). А дальше – статья в «Правде» с портретом и срочно сочиненная «правильная» биография пламенно-твердокаменного борца за народное дело, и заочный приговор от Чан Кайши, ну а как к своим вышли, то и наша Звезда Героя (первый и пока единственный китаец с этой наградой) и направление в военную академию в Москву, с категорическим указанием «если подготовлен, принять, а если не подготовлен – подготовить и принять»[15 - В нашей истории это сказал Сталин наркомвоенмору Ворошилову, когда летчик Ляпидевский, получивший за спасение челюскинцев звание Героя, выразил желание поступить в Академию ВВС.]. С учетом того что китайцы-артиллеристы траекторию снаряда рисовали прямой линией и в точке над целью – излом вертикально вниз, «товарищ командир, так правильно – летит, затем устает и падает», задача «подготовить» была не простой – но Юншен справился, и сейчас грызет гранит советской военной науки. Может, и станет китайским Жуковым: если у генералиссимуса Чан Кайши реальное образование и опыт – это лейтенант японской императорской армии (битой нами в хлам), а подавляющее большинство его «генералов» свой чин за деньги купили. Надеюсь, что в этой реальности никакой «культурной революции» и боев на Даманском не будет. Хотя бы в память о том, как в этой реальности мы вместе дрались против общего врага. До сих пор снится мне по ночам – как мы на мосту через Хуанхэ американцев брали в ножи, чтобы путь на тот берег открыть. Или парашюты американского десанта над деревней – а я, наводя ДШК, кричу второму номеру: «Ленту давай, а то приземлятся, и нам хана!»

Ну ненавижу я пиндосов проклятых – за все, что они сделали лично мне в той истории. За разваленный СССР, за нищету девяностых, как мама со мной мыкалась без денег и работы, а отец, профессор и доктор наук, тридцать с лишним лет отработавший в советской оборонке и уволенный по сокращению, должен был сторожем на автостоянке работать, где его в девяносто седьмом задавили пьяные мажоры, которых «не нашли». И не надо мне про «внутренние причины» говорить – ЦРУ ведь тоже к тому руку приложило, «ради государственных интересов США»? Значит, американцы лично передо мной за все ответят, назначил я их для себя виновными, и точка! Поскольку со своими предателями наша Контора разберется, а до врагов забугорных дотянуться могут лишь такие, как я!

Вернулись мы из того рейда – меньше половины тех, кто на ту сторону уходил. Базу ВВС США взяли (не только фрицы могут в «Бранденбург» играть), новейшие и секретные бомбардировщики В-47 в Союз перегнали на изучение (один экземпляр и сейчас в аэромузее в Монино стоит). Назад прорывались по гоминьдановской территории, как Ковпак по немецким тылам. И долг еще за нами, выжившими, остался – когда ту территорию освободят, место найти, где мы своих схоронили в общей могиле, русских и китайцев, и танком проехали, с землей сровняв, чтоб не осквернили – и памятник поставить, в честь той нашей победы. Когда так и не взлетели оттуда В-47 с атомными бомбами на Иркутск, Красноярск, Алма-Ату, Ташкент! И пролился дождь заслуженных наград на всех причастных (включая и тех, кто не ходил, а на связи был или чего-то обеспечивал). Юншену, я сказал уже, Героя и Академию. Летчикам, что трофеи перегоняли, тоже по звезде. Ну а мне, как Федоту-стрельцу из ненаписанной пока тут басни, – «на тебе пятак на водку, и пошел отсюда вон».

– Товарищ Кунцевич, кто дал вам право творить произвол в захваченных деревнях? Самочинно создавать «комитеты защиты революции», отряды защиты революции, выдавать им оружие и прямо побуждать бедноту к убийствам без суда и следствия? Причем во главе упомянутых «комитетов» нередко оказывались лица с прямо антисоветскими, мелкобуржуазными убеждениями.

– Учитывая, что в данной деревне советская власть на момент вступления в данный населенный пункт моего отряда не была установлена, сознательной пролетариат, устойчиво стоящий на позициях марксизма-ленинизма, отсутствовал как класс, – то власть передавалась срочно избранному комитету из состава беднейшего крестьянства, которое безусловно является одним из вернейших союзников Советского государства. Во главе ставился один из

представителей крестьянства, в наибольшей степени выразивший свои симпатии СССР – к сожалению, часто бывало, что в силу малой образованности члены комитета не понимали всех тонкостей политики советского руководства. Комитет, как единственный законный орган власти в настоящий момент в данной деревне, осуждал и ликвидировал представителей класса эксплуататоров и их приспешников. При этом, в силу местной специфики, исполнителями казни допускалась излишняя жестокость.

– Товарищ Кунцевич, вам известно, что решение о полной ликвидации эксплуататорских классов в Китае не было принято ни ЦК ВКП(б), ни ЦК КПК? Так на основании чего вы проводили свой политический курс, без консультации с ответственными представителями указанных органов?

– В связи с острой военной обстановкой и пребыванием нашего отряда в глубоком тылу противника, провести консультации с ЦК ВКП(б) не представлялось возможным. А позиция ЦК КПК и ее лидера Мао Цзедуна на текущий момент вызывает сомнения в плане ее соответствия политической линии СССР.

– Товарищ Кунцевич, вам известно, что самосуды, грабеж и погромы – это методы мелкобуржуазные, кулацко-эсеровские либо левацко-троцкистские, но никак не большевистские. Партия сурово осудила подобные перегибы и не допускает их в практике социалистических преобразований в деревне в освобожденных странах Восточной Европы, в Корее и Маньчжурии. Вы троцкист, или мелкобуржуазный националист?

– Насколько я понимаю, речь идет о территориях, которые находились под контролем вооруженных сил Чан Кайши? Где Советской власти до того не было и нет. Заверяю и могу доказать, что с нашей стороны никаких случаев мародерства и жестокого обращения не допускалось. Воздействие на местное население осуществлялось исключительно методами агитации на собранных митингах. Ликвидировались, или брались под стражу, лишь вооруженные сторонники Чан Кайши – для недопущения их противодействия установлению Советской власти. К сожалению, вновь созданные комитеты защиты революции, в силу незнания последних решений ЦК ВКП(б), неправильного понимания значения социалистической законности и местной специфики, излишне жестоко расправлялись с переданными им представителями эксплуататорских классов. Что нередко происходило уже после ухода отряда из данной деревни – так что противодействовать этому мы физически не могли.

– Товарищ Кунцевич, были частые случаи, когда расправы с «врагами народа и революции» проходили буквально у вас на глазах, чему вы никак не препятствовали. Причем убийствами занимались не только уполномоченные вами члены комитетов и отрядов, но и совершенно посторонние люди!

– Товарищ Пономаренко, это был народный энтузиазм, вследствие привлечения беднейшего крестьянства к активной политической жизни. Когда годами страдавшие бедняки расправлялись с кровососами-мироедом. И мы не препятствовали этому, считая, что, во-первых, местным лучше известна степень виновности каждого, а во-вторых, не желая восстанавливать новосозданные комитеты против Советской власти. Что имело немаловажное значение, так как исключительно с разрешения вновь созданных органов власти мы могли использовать местные ресурсы для пополнения запасов отряда.

Научился я уже, в этом времени – в подтверждение каждого своего дела приводить цитату из классиков и изрекать в свое оправдание, «с видом бодрым и придурковатым». А о чем я тогда подлинно думал, промолчу – пиндосам и чанкайшистам ежа в штаны запустить, чем больше им с мятежом разбираться, тем меньше останется нас ловить. Ну а сколько китайцев при этом поляжет – это судьба, кисмет, иншалла – кому суждено от пули, тот не утонет. И в своей постели не помрет – насчет себя я иллюзий не строю. Юрка Смоленцев, тоже из наших, «будущенцев», ас покруче меня, и Отечественную прошел без царапины, а в сорок пятом, когда «водопроводчиков» генерала Исии брали, уже при отходе, возле самолета, шальной осколок словил – и слава богу, не насмерть, римлянку свою вдовой не оставил. Так что речь идет лишь о том, сколько пиндосов и их прислужников я упокоить успею, пока сам не вознесусь – с государственной точки зрения, хороший выйдет размен, уже больше сотни набралось, а будет и несколько сотен, и за одного меня! В этом смысл своего существования вижу – и когда перед богом предстану, если он есть, то с чистой совестью скажу ему, что сделал мир чище и лучше. Даже если на отдельном этапе это тактические неудобства приносит.

– Валь, ты хоть понял, за что к тебе претензии? – говорил мне Смоленцев. – Дохлых американцев не жалко, но зачем из-за собственной мести весь СССР подставлять? Пономаренко на тебя взъелся, поскольку по твоей вине и американской жалобе дело открыто в Международном уголовном суде при ООН! И потереться этой бумажкой мы не можем, так как сами учреждение этой конторы пробивали для наказания будущих «лейтенантов Колли», а потому заинтересованы, чтоб у этого суда авторитет был! На кой черт тебе самому

зверствовать, да еще чтоб не наши живые свидетели оставались – свалил бы всю грязную работу на Юншена. Спасибо, что твою личность все ж не установили, кто такой «Куницин», в Маньчжурии и белоэмигрантов полно, и «в рейде погиб» прокатило. Но Пономаренко сказал, тебе еще одну Звезду вешать – это все равно что вывести на сцену под прожектора, а так как бюрократию не отменить, то и устроили тебе этот «партийный суд», чтоб притянуть за уши повод. Думай впредь, даже когда святая месть!

Под трибунал не отдали, и то ладно. Со свидетелями и впрямь нехорошо получилось: на будущее учту, что не наши и живые – это не есть гут! Ладно хоть, заплатили не пятак, а все положенное, со всеми надбавками («за фронтовые», за звание, за Героя). При том, что я и так на полном гособеспечении – в командировке, само собой, койка-пайка-продаттестат, но и здесь, в Москве, за роскошную четырехкомнатную квартиру не плачу ни копейки (по закону, даже единожды Герои Советского Союза от этого освобождены). По здешней мерке, отдельные квартиры прежде всего семейным положены, а одинокие, как я, даже с чинами и заслугами, не редкость что и в коммуналке живут – но «вы ведь женитесь когда-нибудь, товарищ Кунцевич, и детей заведете?» Ценят все же в этом времени нас, из будущего гостей – за что мы честно стараемся долг отдать!

А жизнь в сталинском СССР очень даже ничего, хоть по мерке двадцать первого века. Если, конечно, ты перед Отечеством заслуги имеешь. Навороченной электроники и Интернета нет – а все остальное, лично у меня, гораздо выше качеством, чем там. Может быть, у отца-профессора в лучшие времена так было – но я с восемьдесят восьмого года, плохо помню. Положим, что мы, с нашим особым статусом, заслугами и наградами, это случай отдельный – но не верьте всяким там солженицынам и новодворским, что в сталинском СССР было как в казарме с рабами! Вера была всеобщая, что завтра будет лучше, чем вчера, и что мы к самому передовому общественному строю принадлежим и живем не просто так, а ради высшей цели, своим трудом ее приближая – а это дорогого стоит! И видели конкретные подтверждения всего этого – новые дома строятся, и вовсе не партчиновникам там квартиры дают, но и простым пролетариям. Цены снижают первого апреля каждый год, это лишь при Хрущеве у нас отменили (не оттого и пошло про «день дурака»?). В магазинах все новые товары появляются, вполне доступные для народа (одежда, обувь, книги, бытовая техника). Соцкультбыт работает хорошо – медицина, образование, пенсии. И не забудьте, в это время полно еще живых свидетелей, помнивших, как было при царе, а также в разруху при Гражданской и после, и в недавно совсем минувшую войну! Так что изменения к лучшему невооруженным глазом видны – и постоянно новые добавляются. В нашей истории когда это прекратилось, тогда и начался застой.

Ну а тут СССР пока еще на взлете, на разгоне. И дай бог, чтоб реализовался второй шанс. Если Сталин и прочие – знают.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Кит» – это проект «627», самые первые советские атомарины, в нашей истории вступали в строй в 1957-1963 гг. «Ерш» – это проект «671», года 1966-1973-й. Ну, а «щука» – это «671РТМ», с 1977 г. Считались примерно равноценными с АПЛ «Лос-Анджелес» ВМФ США. – Здесь и далее примечания автора.

2

Исторический факт.

3

К сожалению, альт-история.

В связи с провозглашенной Путиным программой освоения Арктики, «Севморпуть» в 2013 г. поставлен на модернизацию, в 2016 г. введен в строй и работает, обеспечивая «северный завоз».

К сожалению, реальность нашей истории. Когда японцы хищническим выловом нанесли не восполнимый до сих пор ущерб рыбным запасам нашего Дальнего Востока. После того как США в одностороннем порядке ввели 200-мильную зону у своих берегов, категорически не пуская туда чужих рыбаков – а Хрущев не сообразил ввести то же у нас. И японцы, не входя в наши 12-мильные воды, целой флотилией занимали место напротив устьев камчатских рек, куда рыба шла на нерест.

Соответствует истине! Советские фотоаппараты считались в мире несколько не худшими, чем какой-нибудь «Никон»!

См. «Алеет восток».

К сожалению, альт-ист.

9

См. «Днепровский вал».

10

«Медитативный бег», Питер, конец восьмидесятых. Кто у Валеры Швецова занимался, летом Комарово, зимой Шувалово, откликнетесь автору, буду рад!

11

Модель «Форд-Т».

12

Автор сам слышал эту историю в Одессе, в конце 80-х. Подтверждений из иных источников не нашел, так что возможно, что и треп.

13

Соответствует реальной истории.

14

Центр Освобожденного района Китая, «столица» Мао.

15

В нашей истории это сказал Сталин наркомвоенмор Ворошилову, когда летчик Ляпидевский, получивший за спасение челюскинцев звание Героя, выразил желание поступить в Академию ВВС.

Купить: https://tellnovel.com/ru/savin_vladislav/rubezhi-svobody

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)